

СМЕНА

Специальный

21

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОЛОДЫЕ МЕХАНИЗАТОРЫ КУБАНИ

Широк, необъятны просторы Кубани, солнечного, хлебного края нашей страны. Вдоль ровных степных дорог, до самого горизонта, тянутся неоглядные массивы золотой пшеницы, кукурузы, подсолнуха, клевера. Над быстрой и многоводной Кубанью вырываются на плантациях рис. Далеко-далеко над степью, над юрганами поднимается в небо снеговых вершин отрогов Кавказских гор. Горячий воздух пахнет спелым зерном, зрелым яблоком.

С рассвета над колхозными дорогами встают рыжие султаны пыли: это колонны машин везут с полей хлеб нового урожая.

Чтобы вырастить этот хлеб, немало людей приложило свои силы, свои знания, опыт и настойчивость; они использовали до конца и всю многообразную сельскохозяйственную технику, которой наша промышленность снабдила машинно-тракторные станции края.

Участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, Медведовская МТС, в течение последних лет полностью механизировала все трудоемкие процессы на животноводческих фермах обслуживаемых ею колхозов. В дни уборки зерновых комбайны здесь работали по часовому графику. График предусматривал весь комплекс работ, связанных с уборкой: выгрузку зерна, доставку на элеватор, пахоту и лушение сенокоса за комбайном.

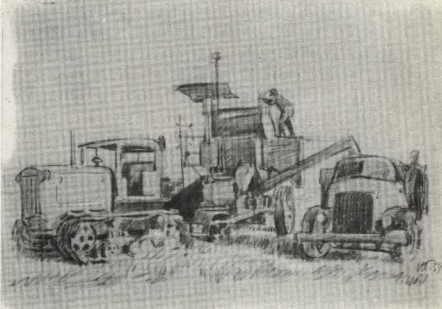
Комсомольско-молодежная бригада Василия Зайцева, заслужившая широкую известность далеко за пределами края, в этом году успешно провела все полевые работы. Сев ранних зерновых в колхозе «Путь и коммунизму» был завершен в три дня. Здесь отличились трактористы Михаил Вально и Сергей Сидаш. Пропашные культуры, посеянные надквартно-гнездовым способом, за лето были трижды прокультивированы в двух направлениях, что позволило вырастить колхозникам на этих полях хорошие урожаи. Одним из первых механизаторов бригады Василия Зайцева закончили и уборку зерновых. Комбайнеры Александр Леонов, Василий Христофос и Степан Юров намного перевыполнили сменное задание. Подъем зби тоже был проведен в лучшие сроки.

Зимой комсомольцы собираются начать большую учебу. Многие из них приобретут вторые специальности, изучат новый метод обработки земли, предложенный колхозным ученым Т. С. Малцевым, для того, чтобы в будущем году на опытно-участке колхоза «Путь и коммунизму» засеять хлеб по этому методу.

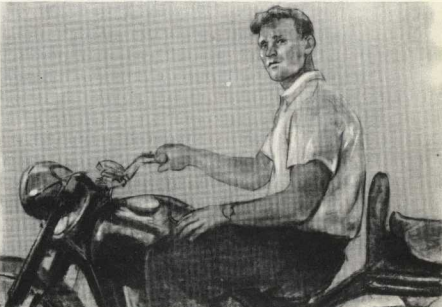
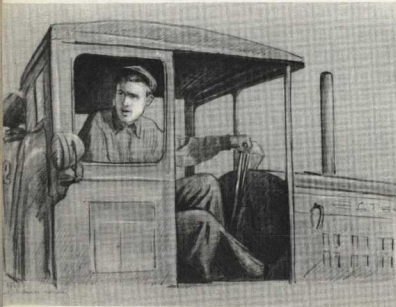
Рисунок
И. Брюлина.

Василий Леонов, один из лучших комбайнеров Медведовской МТС.

Бригадир 17-й тракторной бригады Василий Зайцев.

Тракторист Михаил Вально.

На Всемирном фестивале демократической молодежи в Берлине.

Репродукция с картины художницы Н. Сергеевой.

10 ноября — Всемирный день молодежи. Этот день был установлен 9 лет назад, когда юноши и девушки многих стран собрались в Лондоне на Первый Всемирный конгресс молодежи. На этом конгрессе была создана Всемирная Федерация демократической молодежи — самая крупная организация в истории юношеского движения.

С каждым годом растут ряды юных борцов за лучшее будущее молодого поколения. Всемирная Федерация демократической молодежи объединяет десятки миллионов юношей и девушек в их благородной борьбе против угрозы новой войны.

Всемирный день молодежи юноши и девушки всего земного шара отмечают под лозунгом объединения всех молодых сил, борющихся за мир. Советская молодежь отмечает этот день новыми трудовыми успехами ради дальнейшего процветания своей горячо любимой Отчизны.

Мирный, созидательный труд советских людей, успешно строящих коммунизм, был и будет для всего человечества прекрасным примером борьбы за счастье народа.

Мы — за мир. Мы — за демократию.

Да здравствует дружба между народами всех стран!

Да здравствует мир и труд!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1954 год.

Год
издания
31-й.

На Волге

Девять порталных кранов действуют на бетонозаводской эстакаде, подавая в котлован арматуру, опалубку, бадьи с бетоном. Справа внизу — котлован водосливной плотины будущей гидроэлектростанции.

Среди молодых гидростроителей пользуются заслуженной славой старший инженер-электрик Алексей Прокудин (слева) и главный инженер 2-го строительного участка Юрий Остапченко.

Валчайшая в мире стройка у Хингуйских гор ныне напоминает громаднейший плацдарм перед решающим наступлением. Кубышевская гидроэлектростанция должна вступить в строй действующих в 1955 году. Таково задание Партии и Правительства, таково желание многотысячного коллектива строителей, самоотверженно выполняющих директивы XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

...Деревня Кунеевка была первым прибежищем строителей на левом берегу Волги. Сейчас этой деревни нет. На ее месте вырос новый, большой поселок с гордым названием Комсомольский. И хотя его именуют поселком, но это уже настоящий город с многотысячным населением. Кварталы двухэтажных и трехэтажных домов, асфальтированные улицы, ма-

газин, школы, клуб, больницы, автоматизированный хлебозавод — все это появилось на месте старой Кунеевки.

— Растет и хорошеет наш поселок! — рассказывает один из первых строителей Комсомольска, Виктор Иголов, прибывший на стройку в 1950 году. Вместе с другими комсомольцами он вырубал лес, разбивал кварталы будущих улиц и домов. Сейчас бывший десяток Иголов стал сменным диспетчером района, учится на четвертом курсе вечернего гидротехнического института.

Вспоминая о той трудной поре, когда воздвигался город юности на Волге, он говорит:

— Это уже давно перевернутая страница в истории стройки. Вы лучше посмотрите, что делается сегодня, — и сменный диспетчер указывает в сторону Волги.

Перед нами открывается величественная пирамида левобережных сооружений гидроузла.

Почти на три с лишним километра раскинулся громадный котлован водосливной плотины. С юга на север его пересекает металлический мост. Это бетонозаводская эстакада. Ее длина — 1200 метров. Эстакада протянулась от перемычки, ограждающей котлован со стороны Волги, до второй перемычки, отделяющей плотину от верхнего шлюза. Чтобы построить ее, монтажникам в сравнительно короткий срок понадобилось смонтировать свыше 8500 тонн металлоконструкций.

С каждым днем строительные работы принимают все больший размах. Возводятся береговые подпорные стенки, бетонизируются плиты водобоя и водослива. Устанавливаются новые мощные краны. Строители плотины обзавелись к 20 декабря уложить в тело плотины 500 тысяч кубометров бетона.

...

На одном из участков мы встретились с Юрием Комиссаровым — главным инженером одного из водучастков.

Комсомолец Комиссаров, прошедший замечательную школу на Волго-Доне, где работал старшим прорабом, творчески использует полученные там опыты.

С гордостью рассказывал нам Юрий Комиссаров о людях, возводящих плотину.

— На нашем молодежном, да и на соседних участках сейчас в самом разгаре соревнования. Одно у всех стремление — досрочно завершить годовой план. Наш участок уже десять месяцев перевыполняет задания. В этом немалая заслуга наших комсомольцев.

...

...Известными дорогами, проходимыми по дамбам и перемычкам, наш «Маскено» выезжает на авторассу, соединяющую поселок Комсомольский со Шлозновым.

Горячая пора сейчас в котловане нижнего судоходного шлюза.

широкой

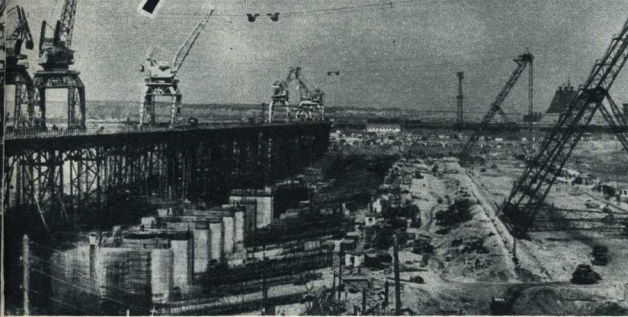

Фото А. Моклецова.

Это первый пусковой объект гидроузла. Он должен войти в строй в навигацию 1955 года.

Начальник Шлюзового района Борис Иванович Загородников с увеличением ресскаживает:

— Коллектив нижнего шлюза выполнил большие работы. В это сооружение уже уложено свыше 400 тысяч кубометров бетона. Все наше внимание сосредоточено сейчас на том, чтобы с весны будущего года сдать шлюз в эксплуатацию.

Загородников советует нам обязательно повидать начальника участка Леванчука, одного из первых строителей этого сооружения.

С Сергеем Дмитриевичем Леванчуком мы встретились на командном пункте. Он сидел за небольшим столиком и говорил в микрофон:

— Старший прораб, товарищ Кочержников! Форсируйте сдачу блока номер двадцать семь-трим под бетон!

Как раз в это время в комнату вошел молодой сероголазый парень в брезентовой куртке, забрызганной бетоном:

— Опять дают бетон с крупным щебнем. Что же мне снова забивают бетонокозлы! Когда прекратится это безобразие!

— Не горячись, Гарастюк,— ответил начальник участка,— сейчас вылезло,— и, сняв трубку, он стал говорить с диспетчером бетонного завода.

Сменный прораб комсомолец Петр Гарастюк на шлюзе работает с первого дня строительства. Сначала он был десктоном, а сейчас вот уже второй год руководит смовой, которая в общей сложности уложила в шлюз свыше 130 тысяч кубометров бетона...

На левом берегу Волги от нижнего шлюза до Федоровского затона мощные землессосы выбрасывают десятки тысяч кубометров грунта, прокладывая новый путь волжской воде — судоходный канал.

Экипажи комсомольско-молодежных земснарядов, которыми руководят Виктор Хлюст и Александр Лебедев, завоевали добрую славу новаторов. По инициативе Виктора Хлюста на стройке началось соревнование за перекрытие проектной производительности механизмов. Этот патристический почин горячо поддержали комсомольцы земснарядов. Они добились того, что часовая производительность достигла 1200—1300 кубометров вместо тысячи.

Особенно хорошо работает комсомольско-молодежный экипаж земснаряда «Сталинградский 1002», возглавляемый Евгением Мустаевым.

Экипаж стоит на очень ответственном участке: он намывает поймающую часть земляной плотины, которая перекрывает русло Волги.

В этом году перед гидромеханизаторами поставили задачу — намать свыше 8 миллионов кубометров грунта в тело плотины. На участок были переданы три мощных землессосных агрегата — №№ 1002, 1004 и 1007. Гидромеханизаторы трудились с огромным воодушевлением. Первым экипаж своей годовой план экипажа Евгения Мустаева, намыл 1 935 тысяч кубометров грунта. Смены багермейстеров комсомольцев Владимира Супруна и Владимира Шумского довели часовую произ-

водительность до 1300 кубометров. Завершат выполнение годового плана и экипажи Василия Аксенова и Виктора Селезнева.

На месте, где росли прибреж-

ные ивы и тополя, сейчас вырастает мощное тело плотины, по которой проедут дугутына железных дорог, автомагистраль, тротуар для пешеходов.

А рядом с плотной протянувшейся ажурные опоры канатно-подвесной дороги. По шести стальным канатам непрерывно движутся вагонетки.

Эта воздушная магистраль создавалась в суровых условиях зимы. Потом, в самый разгар половода, верховьям натгнали канаты, на 70-метровой высоте подвешивали предохранительные сетки.

Мы побывали на русловой опоре канатно-подвесной дороги. Гангетская металлическая башня на бетонном острове высится над Волгой, как утес. С ее вершины открывается величественная панорама всего гидроузла. Особенно отчетливо виден огражденный мощной перемычкой котлован под здание будущей гидроэлектростанции.

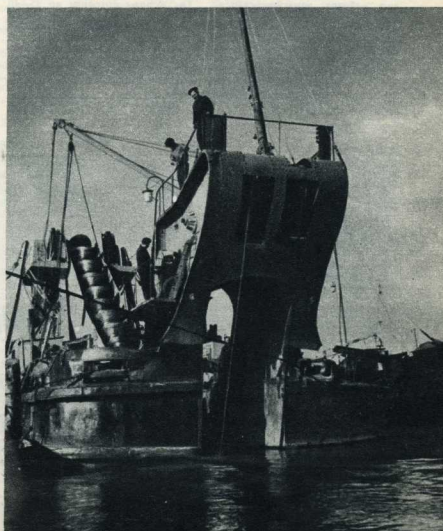
Сердце стройки... Так строители называют котлован, возникший в Отавиненском овраге между Могутовой и Яблоневой горамы в феврале 1951 года. Из котлована вынута более 7 миллионов кубометров грунта. Полтора километра — такого дна перемычки, отнявшей у великой реки треть русла и оградившей котлован от волжских вод. Свыше 11 тысяч тонн металлического шпунта забито в тело перемычки. В весенний паводок 1954 года перемычка, ограждающая котлован, выдерживала напор волжской воды почти на 40 метров.

В огромной чаше котлована скопление кранов, арматуры, бе-

Передовой отечественной техникой оснащена великая стройка. И а с и м ж е т: мощная морская автотранспортная техника на правом берегу Волги.

водительность до 1300 кубометров. Завершат выполнение годового плана и экипажи Василия Аксенова и Виктора Селезнева.

На месте, где росли прибреж-

Многие юноши и девушки Куйбышевгидростроя без отрыва от основной работы учатся в Ставропольском гидротехникуме. На с. и н. в. к. (слева направо): студентки Эльвира Каргичева и Надежда Балкина и уже окончившая гидротехникума Клара Махатнова-Иолеснинова.

тона. Вдоль котлована на 700 метров протянулась бетонозавская эстакада. Девять порталных кранов действуют на ней, подавая вниз арматурные агрегаты, биди с бетоном, опалубку. Через каждые 5—8 минут на эстакаду въезжают мотовозы с бетоном, который выбрасывается в блики по мощным виброкочеткам.

...Неудобный гул стоит над котлованом. Строители трех бетонных районов, арматурно-сварочного и района механизации трудятся день и ночь. Еще в этом году они должны уложить 1 100 тысяч кубометров бетона в здание ГЭС.

...Все основание фундаментной плиты покрыто бетоном. Быстрыми темпами воздвигаются следующие ярусы. Под эстакадой в об-

лицовочные плиты одеваются бычки верхнего и нижнего бьефов. На этом участке строители довели ступенчатую укладку бетона до 4 500—5 000 кубометров. Но сейчас поставлена задача — ежедневно укладывать по 7—8 тысяч.

Вдохновенный творческий труд, постоянные поиски нового — характерная особенность строителей гидроузла. В лютою стужу, когда морозы доходили до 35—40 градусов, молодой инженер Геннадий Масловский предложил производить бетонирование спаренных блоков. Это экономило время, материал, высвобождало рабочие руки.

Таких примеров можно было бы привести много. Дружными усилиями сплоченно-

го коллектива, вооруженного могучей отечественной техникой, в здании ГЭС уложено более 800 тысяч кубометров бетона. И параллельно уже ведутся монтажные работы: идет установка закладных частей всасывающих труб, насосных станций, кабельных трубок. На монтажной площадке установлены колонны для мощных, 450-тонных мостовых кранов, необходимых для монтажа агрегатов.

Недалеко от котлована, по обе его стороны, производится земляные работы. Эксплуататорчики прорывают подводящий и отводящий каналы гидростанции. Вот сидит за рычагами коммунист Михаил Юрьевич Евев. С начала работ он со своей бригадой вынул около 2 миллионов кубометров земли. Тут же трудятся ветераны стройки Иван Чеподеев, секретарь комитета комсомола района механизации Василий Лямин. На отводящем канале вынимают грунт экскаваторчики во главе с комсомольцем Владом Мичевым — инициатором борьбы за снижение стоимости земляных работ.

В этом году начались работы по подготовке к перекрытию русла реки. В лавобережную часть Волги на полосу шириной в 200 метров ведется отсыпка каменного банкета — основания под земляную плотину.

Многое сделано строителями за истекшие четыре года. Вот некоторые цифры: построено 400 километров железнодорожных путей, 200 километров автодорог, 700 километров линий электропередач, 5 камнедробильных заводов, 8,5 километра канатной дороги, 9 бетонных заводов производительностью по 2 тысячи кубометров в сутки каждый, 2 арматурно-сварочных завода производительностью 700 тонн конструкций в сутки. За это время строители получили около 400 тысяч квадратных метров жилой площади. Для них построено также 7 клубов, 2 дворца культуры, открыто 12 средних школ.

Красочнейшие цифры! Нопереди еще очень много работы.

Строители правого берега к июню 1955 года должны полностью закончить бетонирование подводящей части гидростанции, чтобы в начале спада паводка ускоренно разобрать перемычку, затопить котлован и открыть путь волжской воде через донные отверстия гидростанции. К этому сроку должны быть готовы и нижние судосходные шлюзы с каналами для волжского судоходства. В августе 1955 года предстоит перекрыть Волгу, а затем провести намыа русловой части земляной плотины. Этим будет положено начало наполнению водохранилища до отметки, позволяющей ввести в действие гидроагрегаты...

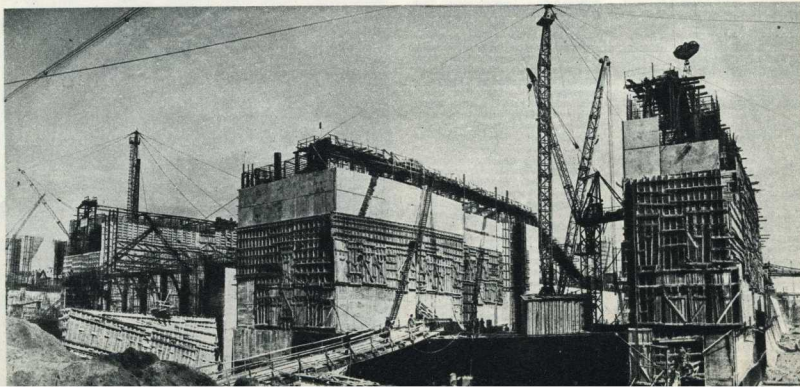
Петр Моисеев пришел на стройку сравнительно недавно. У него не было никакой специальности. Теперь он отличный электромонтер, уважаемый человек на стройке.

С каждым днем нарастают темпы строительных работ на гидроузле у горы Могутовой. Воодушевленные отеческой заботой Коммунистической партии о благе народа, строители Куйбышевской гидроэлектростанции с честью выполняют возложенную на них историческую задачу. Они идут в решающее наступление.

Геннадий ЛУППОВ

Куйбышевгидрострой.

Бетонные работы на нижнем шлюзе — первом пусковом объекте Куйбышевгидростроя.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Рассказ

Птичий гомон не стихал над болотом. В кустах внякая и мелком ольшанике, что густо разрослось по берегам обмелевшей речки Истала, шелестя соловьи. Над тогями, поросшими хвощом и черноколосником, беспокойно кружились кулики, ослепшая воздух тревожными криками. В камышах крикали утки, и отословду несло неумолчное кваканье лягушек.

Ныннешней весной в этот своеобразный хор ворвался гул экскаваторов. Мартину Виксие казалось, что, кроме шума моторов и лязгания цепи, других звуков нет в расквашенном перекрике шуму, щедро залитом солнцем мире. Но стоило экскаваторов выключить мотор, как птичий голоса вновь господствовали над болотом.

В одну из таких минут, когда Мартин, осматривая машину, прислушивался и переносил пятки на болоте повилаея девушка потапошю. Она так легко ступала по пружинистым комкам, что парень не заметил ее, и только когда девушка осторожно тронула его за рукав комбинезона, огаянулся.

— Получите письмо, — сказала она, доставая из потчовой сумки сложенный треугольником конверт.

— Мне письмо?

— Адресовано бригаде Лядумса, — ответила девушка. — Я была с почтой на хуторе, но там письмо нет.

— Должно быть, Маде ушла на ферму, а Лядумс и Янис спят на сеновале, — пояснил Мартин. — А я думал, письмо мне.

Вам еще пишут, — усмехнулась девушка и лукаво посмотрела на парня, на его губы, выходящиеся из-под лихо сдвинутой кепки. — Расинишесь, письмо захотелось. Мне потому и пришлось завернуть сюда.

Мартин взял заглубившимися пальцами карандаш, и там, где прикоснулся к бумаге его рука, осталось коричневое пятно.

— Ну, что это такое? — с досадой воскликнула девушка. Она вынула из кармана беленький, обшитый кружевами платочек и попыталась стереть пятно на тетради.

Мартин стоял смущенный. Он так растерялся, что не нашел слов в оправдание и только с виноватым видом смотрел на свои широкие с темными трещинами ладони, в которые прочно въелась маза. Потом несмело, искоса взглянул на девушку. Тоненькая, в сером каскетом платье, она походила на встревоженную ткацкую готовую вот-вот взлетит. Мартину хорошо были видны темные сердито сдвинутые брови, маленькая горбинка на носу и тень на щеке от длинной ресницы.

— До свиданья, — не глядя на парня, сказала девушка и, прикрывая рукой сумку, запрыгала по комкам.

Мартин проводил ее взглядом. Вот она перебежала болото и вообразилась на откос. У придорожного столбика села на велосипед и вскоре скрылась за кочергом.

«Какая сердатая! — подумал Виксие. — Уж не воображает ли она, что эту трясину можно осушить, не испачкав руки?»

Неожиданная встреча с девушкой весь день занимала мысли Виксие. Должно быть, она из того же колхоза «Лидристеде», где вот уже второй месяц работает бригада экскаваторщиков. Как же получилось, что он раньше ни разу не встречал ее?

«Надо спросить про нее у Лядумса, — подумал Мартин. — Он не раз, поди, принимал почту».

Про письмо Мартин вспомнил только под вечер, когда в избу зашел заспанный Лядумс и стал не спеша собираться в ночную смену. Это был еще бодрый старик с живыми черными глазами, поблекшими из-под седых бровей. Когда-то в молодости в Петерис Лядумс плавал на кораблях и теперь по матросской привычке носил под комбинезоном телешюку. Он только что умылся на крыльце холодной водой. Растирая побаргоровенную шею хошевым порошком, старик, точно на палубе, ступал широко раставленными босыми ногами по чисто вымытым половикам.

— А ведь нам есть письмо! — спохватился Мартин.

— От кого бы? — заинтересовался Лядумс, надевая на жез очки. — Э, так ведь это от Петра Воронкова! — воскликнул он, посмотрев на подпись. — Чего же ты, парень, молчал? Ну-ка, прочитаем, что он там пишет? Ого! Да он работает на речке Иче, и кем? Старшим машинистом! А давно ли он ходил у меня в помощники, как ты и Янис Руминек. Вызывает мою бригаду на соревнование. Дожал, нечего сказать! Вот и учи вас, а потом вы же положите меня на обе лопатки, — добродушно закончил Лядумс и бережно положил письмо в боковой карман.

Мартин с улыбкой наблюдал за старым машинистом. Лядумсу было явно не по себе. Он еще раз достал письмо, повертел в руках и, не читая, снова спрятал в карман.

— Как ты полагаешь, Мартин, одолеет он нас?

— Может и одолеть... Я помню этого Воронкова, у него упрямства хоть отбавляй.

— Упрямства? — переспросил Лядумс. — Упрямством, брат, не всегда возьмешь. Спорная штука, злиди.

— Так он же у тебя обучался!

— Это ты верно сказал. Моей вучки парень. Да ведь и ты мою школу проходилши.

И Янис тоже. Нет, брат, не тоже голыми руками не возьмешь. Так ведь, Мартин?

Летний день угасал. Солнце оядлялось в молодую рожь, и в последних лучах его, словно в отсвете пожара, розовели стволы берез. Из палисадника, где старательная Маде насыдала множество цветов, пахло левкоями и резедой.

Мартину казалось, что сегодня Янис нестерпимо долго моется у бочки, слишком медленно шатает босыми ногами по заросшему двору, обходя, словно неженка, каждый камушек... Наконец-то Янис вошел в комнату и молча уселся за чисто вымытый стол, на котором под вышитым полотеком стояла еда.

— Не знаешь ли ты, как зовут нашего почтальона? — спросил Мартин, присаживаясь рядом на скамью.

— Как не знать, это Илга Мекжас, — ответил Янис, разрезая перочинным ножом кусок колбасного мяса.

— Ну, а что она за человек? — не зная, как продолжить начатый разговор, спросил Мартин.

Рисунки П. Юр'ева.

Итого отговаривал от еды и испытующе посмотрел на товарища.

— А почему ты спрашивашь про нее?

Мартин смущился, отпрянул к окну и, стараясь казаться равнодушным, бросил:

— Да просто так. А что вы решили с Лядумсом насчет вывоза Воронкова?

Янис пожал плечами: чего же тут решать?

Надо поскорее составить ответное письмо и отправить на Иче...

2

Восе дни после встречи с Илгой Мекжас Мартин ловил себя на мысли, что он не перестает думать о ней. Ему хотелось хотя бы мелком взглянуть на девушку, услышать ее голос. Почему-то казалось, что и Илга вспоминает о нем и шлет с ним встречи. Может быть, она догадается найти предлог еще раз прийти на болото или принести почту после обеда, когда он вернется с работы...

Но дни шли, а Илга не появлялась. Возвращаясь на хутор, Мартин всегда видел папку сменных газет на столе — верный признак, что Илга уже не придет.

Нажимая на рычаги экскаватора, Мартин то и дело поглядывал на дорогу, по которой мчались велосипедисты, мелькая цветные косынки... Теперь он работал не так сосредоточенно, как раньше: то успевал вывести ковш в то-разительное положение, то раньше времени нажимал на высылную педаль. Русло канала прострело рубцами, получалась «шпала», как говорили механики.

Когда Лядумс узнал эту «шпалу», он сначала застал от изумления, а потом сердито закричал:

— Мартин, это твоя работа? Натриг откос, как оншу тупыми ножицами... А ну-ка, в чем у тебя заманка?

Мартин достучил селе в кабину и, чувствуя на себе пристальный взгляд учителя, нажал на рычаг. И хотя старший механик, не отрываясь, следил за каждым движением своего помощника, он не нашел к чему придраться: срезы откоса получились ровные, точно по ним прошла бритва.

«Что с ним стряслось, не войму? — с тревогой подумал Лядумс, а вслух сердито сказал: — Ты смотри у меня, Мартин, совсем развинулся».

После этой забвучки Мартин ходил мрачный. Ни обсуждение письма Воронкова, ни подписание договора на соревнование не сделало его разговорчивее. Когда он ставил подпись под договором, то будто заново пережил встречу с Илгой. Он даже посмотрел, не осталось ли на бумаге коричневое пятно.

— Теперь, ребята, глядите в оба! — возбужденно говорил Лядумс. — Смотрите, как бы Воронков не померещил нас над нами.

Лядумс все еще не доверял Мартину, и хотя тот работал старательно, частенько наведывался на болото днем.

— Вот это другой разговор, — одобительно сказал он, окидывая взглядом ровные; точно по

ниточке вытнутые откосы.— Тут уж ничего не скажешь...

— Однажды Лядумс приехал на болото в то время, когда Мартин, сдав смету Янису, направляется домой.
— Погоди-ка, парень,— окликнул его Лядумс.— Давай посмотрим, что у нас впереди. Как бы не угодить к черту на дню...

День выдался жаркий. Даже птицы замолкли, попортавшись в кустах. Под ногами хвапало, почва мягко пружинила. Испуганные лягушки тяжело плюхались с кочек в теплую зацепистую воду.

Когда-то речка Исталина, словно канал, соединила два озера, но дно ее постепенно заилилось, берега поросли кустарником, цепкими, ползучими травами. Мелья и озера зарастали камышом, у берегов затгнивались ярусы. Трясина неотвратимо наступала на луга и пашни, отхватывая каждый год кусок плодородной земли.

Теперь экскаватор прокладывает новое русло реки. К нему вели многочисленные отводные каналы, над которыми чернели груды развороченной земли.

Придется машину ставить на подмости: здесь грунт не выдержит,— решил Лядумс.— Надо сказать председателю, чтобы затюганил бригаду. Да вот он и сам, легок на помине...

С косогора крупными шагами спускался высочай, грузный Имант Мушнинек. За ним, опираясь на ступчатую палку, шел ветхий старик с дряблым, поблекшим лицом. Псокий, как блин, старомодный картуз с тусклым ветреставшимся козырьком был надвинут на самые глаза.

— Ну, как, кулдык не завнуковались еще?— издал кричал Мушнинек.

— Заявки прислали, проект оформил предельные документы,— в тон ему ответил Лядумс.— Выпроваживайте их подалеже куда-нибудь, за море. В Латвии они, ей-богу, не ко двору,— смеялся председатель.

Он шумно подпорозился с механизаторами и, кивнув головой на старика, весело отстремился вперед.

— Это Ян Межакс. По годам, пожалуй, са-

мый старей в колхозе. Зато и горя натерпелся от этого болота больше всех.

— Так уж вышло,— заговорил старик.— У соседа Якова Берзиньши весь наезд, помню, под воду ушел. Будто корова языком слинула. Я еще держался. Отводную канаву копал. Сколько мазолов набил, не приведи господи! А теперь погляди, как машина болото наше вычерпывает!

Председатель колхоза направился к Лядумсом вдоль отводных каналов. Здесь уже не хлосало под ногами, только осот да заросли хвоща напомнили о том, что и тут было болото. Мушнинек остановился, потрогал носком сапога землю и радостно воскликнул:

— Смотри, подсыхает! Давно ли здесь утки плавали, а теперь смело можно пахать!

Старый Межакс с трудом вероверился через кочки а, как иж старался, не мог попеть за Мушнинком. Чтобы не оставлять старика одного, Мартин утерел шив.

«Межакс... Не родственник ли Илгит?»— приглядываясь к старику, подумал он.

— Выходит, вы тоже осушали болото?— что бы завязать разговор, спросил Мартин.

— Было дело,— ответил старик.— На это болото немало людей зарылось. Граф раньше тут жил, всеми землями в округе владел. Собирался углубить реку. Да, видно, пороку не хватило— барону переродила земля. Был такой фон Шталль. Тот тоже на болото зуб точил, да так и помер, ничего не добившись. А когда забодоучено землю по крестьянским хозяйствам разделили, где уж тут нам было в одиночку тягаться с болотом. Гольями-то ружьями его не возьмешь.

Он ослеповался гревности дух и, усмехнувшись сухими тонкими губами, добавил:

— Мне давно анушка твердил: долби золь до косогора, посмотри, что машина на болоте делает. Я,— говорит,— каждый день мимо с почтой проезжаю, и прямо на глазах трясына убывает.

«Так и есть— дедушка Илгит»,— обрадовался Мартин.

А дед словохотливо продолжал:

— Ей, видишь, тоже затерелось обучиться ра-

ботать на машине. Собирается к председателю пойти. Ты, говорит, дед, с лопатой один на один с болотом воевал, и ничево у тебя не вышло. А вот увидишь, как я его машинной прикончу. А чего, говоришь, тебе дельно? Уже если они начатаи, так сами закончат. Без тебя обойдется, это— дело совсем не женское. Да— ведь вышнюю молодежь разве переговоришь? Если бы, говорит, это было последнее болото, а то сколько их в Латвии... Что верно, то верно...

Домой Мартин вернулся в приподнятом настроении, словно получил долгожданную весточку от старого друга. Так, значит, Илга хочет учиться на машиниста— вот неожиданная новость! Почему же она не придет к Лядумсу? Старик, наверное, не откажет. Ведь Воронков обязался подготовить двух новых машинистов. Такое же обязательство взяла на себя и бригада Лядумса. Только бы Илга пришла, он сам возьмется обучить ее...

До вечера Мартин присидел под старым, с расщепленной вершиной вязом, навставшая песенки. Он видел, как Лядумс слез с сенокоса и, наскоро перекусив, пошел навстречу Янису. Мартин тоже завидя, сорвал по ту сторону ольха и вошел на дорожку. Он не ожидал увидеть Илгу, но его так и подымало пойти по узкой тропинке, что тянулась вдоль болота и уходила за косогор. Может быть, Илге тоже не сидится в этот вечер дома и он встретит ее на тропинке между березовыми перелесками.

Солнце уже село. Розоватое облачко над лесом постепенно блекло, терло краску. По бокм дороги возмозлился хлеб. Теплый ветерок волнами пробегал по овсам, и они серебрились и мягко шевестили а надвигающихся сумерках.

Совсем недалеко сквозь заросли сада светился огонек. Мартин притулился паширску о замешанной ствол сосны и направился к хutorу. Во дворе гауку тыкнула собака, затрепетала тяжелой цепью. Мартин несмелно приблизился сквозь живую изгородь из молодого ельничка и заглянул в окно. Он не поверил глазам: у стола сидела Илга. Она просматривала журналы а складывала их в стожку.

— Илга,— сказала Мартин так тихо, что и сам едва уловил звук собственного голоса.

Может, сердце подкажет ей и она выглянет в окно? Но Илга не подняла головы. Вот она встала, собрала журналы и скричалась в соседней комнате. На крыльце заглянула школка. Простесай гонимый позвонил звонок. Возле Мартина что-то прощурилось в траве...

— Где ты бегалешь, полуночница?— проворчал тот же голос, и дверь захлопнулась.

Свет в доме погас. Мартин на пыточках отшел от окна и выбрался на дорожку. Ему было грустно. Вот он и увидел Илгу, узнал, где она живет, а девушка и не подозревает, что он думает о ней.

Ночь давно уже спустилась на землю, но, как всегда в начале лета в Латвии, она была такая светлая, что скорее напоминала весенние сумерки. Мартину не хотелось идти домой. Он уселся на взгорье, на краю ржаного поля. Перед ним в серой, туманной мгле лежало болото. Лучи прожекторов ползли по низине, осветившая толкые места. Мартин мысленно представлял себе, как Лядумс сидит в кабине, управляя машиной. Эта ночная работа дается старику, пожалуй, не так-то легко. Ведь ему, как инак, под шестьдесят, хотя он и держится молодцом. А почему бы ему, Мартину, не попробовать работать по ночам? Разве у него не хватит на это спорности? Конечно, это трудно для новичка, но... если бы Илга узнала об этом, конечно, одобрила бы. И от этой мысли у него стало веселее на душе.

Корочка воя была на исходе. Где-то в дугах захричал коростель, ему отозвался другой. Темные облака, скучившиеся на востоке, заметные посетелили. Появело утренней прохлады. Мартин порывисто встал и прибликом через росты травы направился к экскаватору.

— Раньше же ты сегодня,— встретил его Лядумс.

3

Петерис Лядумс спал в сарае, набитом доверху свежим душистым сеном. Он спал своим хорошо порабатанного человека, слегка приоткрытый рот и похрапывал. Дверь в сарай была

плотно закрыта, только в узкую щель между рассохшейся доской пробивался тонкий солнечный луч.

Во дворе худатляли куры, горлачии петух; на крыше сарая ворковали голубы. Но эти звуки не мешали Людмусу. И все же он проснулся. Мгновенно просидев стёрбились, не понимая что его могло разбудить, и снова тяжело опустился на сено, но вдруг вскопил и начал торопишно натягивать сапоги. Теперь Людмус не сомневался: в шум, который доносился до него, он не услышал мерного гудения экскаватора — это то и разбудило его.

«Что же стряслось? Почему экскаватор ста? Уж не засосало ли его? Эти мысли беспокойно теснились в голове старшего машиниста, пока он торопишно шагнул по заболоченному сугру. Но вот за кустами показался экскаватор. Возле него не видно ни души, и птицы, словно радужась тому, что некому заглушить их веселого гомона, напастывали вовсю.

«Должно быть, Мартин под машиной», — предположил Людмус. — Уж не нырнул ли на пен?!

Подосея ближе и замер от удивления: Мартин спал. Голова его свеслась к рычагам, волосы взмокли от жары, припылила к вискам. Опрокинутый кош гравую осел в липкую жаку.

— Мартин, чертов сын! Ты что, с ума спятил?! — крикнул, еще не отдышавшись от быстрой ходьбы, крикнул Людмус, вскопича на подножку машины и с силой тряхнул Мартина за плечо. Тот вздрогнул, оторопело уставился на старшего машиниста и вдруг реакю, рыком нажал на рычаг. Трос натянуся, ковш поднялся одним броском и снова упал в грязь.

— Да тебя засосало! — ало крикнул Людмус. Слезая с экскаватора.

Мартин виновательно, все еще не понимая толком, что произошло. Людмус нажал на педаль. Машина вздрогнула всем корпусом, ковш оторвался от земли и поплыл над каналом.

— Ишь, проснался! — сурово бросил он Мартину. — К работе сегодня и тебе не допущу! Мартин пожал плечами и, не зная, что ему делать, с виноватым видом пошелся домой. Как же так получилось? Неужели он и в самом деле заснул? Просто срам. Было такое желание работать, надеялся заменить Людмуса по нотам, а сам заснул днем. Видно, порядком разморозило после бессонной ночи. Хорошо еще, не было второстепеня, а то, чего доброго, слухи дошли бы и до Илга.

А Людмус хмуро посмотрел вслед парню: что опять стряслось с ним? Выходит, не спал noch? Недаром чувт свет приходить смейте его. И вдруг мелькнула догадка: что же парень может делать по ночам, как не шататься с девочкой и пересчитывать на тебе засады! Когда Янус Рудник пришел принимать смену, Людмус молча сдал машину и, вместо того чтобы идти домой, отправился в правление колхоза.

— Ну что, пришел проедающие кулаккам оформлять? — шуточно встретил его Мушник.

Но машинисту было не до шуток. Отглянувшись на сиденья и окна сеговода и подростка с забинтованной рукой, он пододвинул стул поближе к столу председателя.

— Беда у меня, правительствася... — С машинной что-нибудь? — встревоженно спросил председатель.

— Хуже. Экскаватор хоть залезть можно, а тут дела сердечные. Сердце заклипкой не починяется.

— Да что случилось? — Мой Мартин влюбился. — Ну, это еще не беда, — расхохотался Мушник. — Я думал, что похуже.

— Кому, может, и не беда, а мне зарея. Договор ниш, что будет выполнят? Он, чертов сын, прогребал ночь, а днем на машинке его разморозило. Разве это дело? Я не против, я тоже был молодым, понимаю. Но всему свое время! Вот осушим болото, и, пожалуйста, вылезайте хоть сразу в дрова. Но не сейчас, когда каждая минута, каждый ковш на счету, а он — нате вам, уснул!

Людмус сокрушено вздохнул, и продолжая рассуждать сам с собой, недоумевающее развел руками.

— И кого он мог облюбовать на болоте? — У него и времени-то нет, чтобы ходить на танцувальки. А на хуторе одна дряхлая Маде, не она же вскружила голову парню?

А я знаю! — раздался вдруг звонкий голос подростка, который с самодовольства старшего машиниста настороженно прислушивался к разговору. — Это Илга Межак.

— Не может быть, — усомнился председатель, — она девушка сербенькая.

— Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

— Кто она такая? — Наш почталон, — бойко ответил парень, — несчастливо какае-то закона и влюбляется мочут один хохотушкин, — подумал Людмус, но на всякий случай осведомился:

ворить, спрося у дела, он тебе расскажет, как малая всю жизнь с этим болотом, сколько крестьянских хозяйств уже разорвало.

Он бросил укорядкой взгляд на Илга. Девушка одела, облюбованная на стол, и слушала, как прилежно учелся. Это приободило Мушника, и он уже более уверенно продолжал:

— А теперь мы всем колхозом объявили болотам войну. Ты же сама агитатор и не хуже моего знаешь, какая у нас большая цель. Мы должны облюбовать землю. И мы этого добьемся... Поэтому и надо ценить труд людей, что помогают нам победить природу, а не вставать им пальцы в колеса, как делают некоторые... Я, конечно, не говорю о присутствующих... — поправился председатель, — но можно же немного поперевместить и не морочить голову этому Мартину Викисе.

— Какому Викисе? — встрепенулась девушка.

— Тому самому, который заснул сегодня на экскаваторе, — досадой ответил Мушник, считая, что Илга хитрит. — А почему он заснул, тебе это известно лучше, чем мне. Вот к чему приводят мочные прогулки по рошам. Тебе, может, любовь и смешиа, а у парня пропала смена. Оставшая бы ты лучше его в колхоз.

— Понятия не имею, о ком вы говорите, — удивилась Илга.

— Не имеешь? — А кто тебе запачкала развозучку тетрадь?

— При чем тут тетрадь? — вспыхнула девушка и неожиданно заплакала.

Мушник нервно потер лоб черт его дернул вмешиваться в эти дела! А все натурально Людмус. Прибежал, напущем!

Он подошел к Илге и ласково тронул ее за плечо.

— Я же не против, если по душе, любила на здоровье. Он парень подходящий.

— Да не из-за него я, — тихо сказала Илга. — С ним у меня еще будет разговор. Я хотела просить вас, чтобы послали меня в бригаду Людмуса учиться на машиниста. Хотела болото наше осушить. Думала, вы для этого и вызвали. А теперь, после таких сплетен... — И она снова заплакала.

Председатель озадаченно посмотрел на нее: вот и угадал, что у нее на уме! Но уж если есть желание учиться, как лучше на практика ниш, чем комбайнера. Экскаваторщика осушат землю и — помняй как звали. А ведь машину надо пахать, снимать урожай. Для этого тоже понадобятся люди.

— Не знала, как с тобой и быть, — развел Мушник руками. — Девушка ты расторопная,

толка, конечно, будет. И у Лядумса неплохо было б тебе получаться: человек он знающий. Попробуй, потолкуй с ним. Только вряд ли что из этого получится.

4

Мартин и не подозревал, какую неприятность, сам не ведая того, причинил он Илге. Ничего не знал он и о другом немаловажном для себя событии. В то утро, когда он установил экскаватор на покотисты и проходил самый трудный участок, на утор явилась Илга. На этот раз она пришла рано, еще до разницы почты, едва только старший машинист вернулся из ночной смены. Илга терпеливо ждала на крыльце, пока старик, шумно отфриваясь, мылся у колодца.

Илга Межакс, — отрекномедовалась она, подбодя к нему.

— Слыхал про такую, — сухо сказал Лядумс и, насував косматые брови, в упор посмотрел на девушку.

— Я хочу учиться на машиниста, — робко сказала она.

— Ну, что ж, с богом! — Лядумс отвернулся, всем своим видом давая понять, что это его не касается.

— Мне так хочется научиться работать на машине, — горючо заговорила Илга. — Мудниек ничего не имеет против...

— Это — его дело, — отрезал Лядумс и, буркнув что-то себе под нос, отправился на сеновал.

Илга растерянно посмотрела ему вслед: вдруг ей предсталась Мартина, каким она видела его в тот раз на болоте, в промасленном комбинезоне, с черным нашивком на лоб чубом, и она улыбнулась.

«Все же я своего добиюсь!» — упрямо подумала она, возвращаясь домой.

В полдень, когда Янис Румник пошел сменить Мартину, Лядумс отправился с ним. Накануне был закончен обмер откосов, и старший машинист остался доволен результатом: его бригада вынула в этом месяце в полтора раза больше грунта, чем в предыдущем.

— Пока дело идет хорошо, — потирал он руки. — Если будем и дальше так работать, Воронку на нас не осилит!

— Хорошо, да не совсем, — неожиданно возразил Мартин. — Дело не в одних кубометрах земли. В договоре есть и другие пункты.

— Какие это другие? — насторожился Лядумс.

— Ты же сам записал в договоре: подготовь нас с Янисом старшего машиниста. А как же на нас выдвигать машиниста, если мы не умеем управлять экскаватором ночью?

Г. КАМЕННАЯ

Песня

Мне девушка пела
О дальних странгах,
О солнце, которое
Светит в пути.
Мне пела чучканга,
И не было странно,
Что я понимаю почти.

Казалось мне: леги
Проворные руки,
Крутые изгибы бровей
О птицах,
О дружбе,
О скорой разлуке,
О радости и о Москве.

Мне слов не сказал
Ни простор необъятный,
Ни тундра, ни тишина,
Но песня о Родине
Сердцу понятна,
На каком языке
Ни звучала б она.

г. Жданов.

— Вот ты куда повернул! — ухемкнул Лядумс. — Хитер, парень!

— И меня записывай в почную, — решительно заявил Янис Румник. — Будем работать по недельку.

— Ну, валайте, вас двое, где уж мне идти против вас! — сказал Лядумс, втайне гордясь своими учениками.

Но Мартин еще не высказался до конца.

— Мы с Янисом тоже хорошо. Обещан подготовит себе помощников, а где они? Лядумс позорительно покосился на него: не он ли прислал ту девушку, что была

утром? Не его ли, Мартину, это штучки? И чтобы водать должное парню за хитрость, но без коварства заметил:

— О Янисе тебе ничего беспокоится, душой души о себе. Ему я подобраю помощника. Сегодня приехала ко мне Илга Межакс.

— Илга Межакс? — просиял Мартин, но, чтобы не выдать своих чувств, скрыть радость, с напускным равнодушием спросил: — А справится ли она? Выйдет ли из этого толка?

— Будет стараться — выйдет и толк, — коротко ответил Лядумс, и лукавые искорки запылали в его глазах. Он как бы хотел сказать: «Не хитри, парень, вижу тебе невсёко...»

Утром по время работы Мартину подвела одна душка: «Выпало же этому Румнику счастье! Но и то уж хорошо, что Илга будет сидеть в той же кабине, что и Мартин, дотрагиваться руками до тех же самых рычагов...» Он так много и упорно думал о девушке, что даже не удивился, когда заметил ее на откосе.

Илга сбегала вниз и стала осторожно перебираться по коцкам. На ней было то же самое серенькое платье, что и в тот памятный день, и та же голаябы с разводами косынка. Она подошла совсем близко и начала терпеливо рыться в почтовой сумке. Мартин выключил мотор.

— Вот письмо, — смутилась Илга, подавая ему конверт.

— Вы логи промочили, — глумок от волнения голосом сказал Мартин.

Илга ничего не ответила и поспешно побежала по коцкам, размахивая почтовой сумкой. Вот она взобралась на откос и умялась на валосине. Но от кого же, однако, письмо? Догдид, как машина, вернулась парня, и он быстро разорвал конверт. На маленьком листочке было несколько слов: «Мне необходимо с вами поговорить. Сегодня вечером приходите к сосне с гнездом аиста. Я буду ждать Илга».

...Она была уже далеко. Если бы Мартин даже закричал во весь голос, то и тогда не услышала бы девушка, что он не может сегодня прийти.

Грусть засернила сердце парня: вот и опять ему не повезло! Илга пришла вечером к той самой сосне, где он мечтал о ней, и будет с нетерпением поглядывать по сторонам. Она, конечно, удивится и даже наверняка рассердится за то, что он не придет... Возможно, пойдет навстречу ему до тропинки, что поросла ли дотками и ромашкой; может быть, дойдет до косогора и оттуда будет смотреть на голубые огни экскаватора... Подкажет ли ей сердце, что это он бороздит болото светлыми полосами огней?

«ПОЮЩИЕ» ПЕСКИ

В письме в редакцию «Смены» читатель Г. Евалин (г. Улан-Удэ) сообщил о том, что на побережье Байкала есть место, покрытое мелкозернистым желтым песком. Этот песок под ногами человека издает звук, похожий на скрип снега. Если песок разгребать рукой или палкой, то звуки резко усиливаются, напоминающие какую-то злунную мелодию. Местные жители называют этот песок «поющими».

Чем объяснить причину этого редкого явления природы?

Давно уже было замечено, что в некоторых местах пустыни, на побережье морей, озера и рек пески, переваемые ветром, издают какие-то странные, певучие звуки. Эти звуки подчас настолько своеобразны, происхождение их на первый взгляд настолько таин-

ственно, что не приходится удивляться обилию легенд, связанных с этим любопытным явлением.

Встречаются «поющие» пески в пустынях Китая и Монголии, Африки и Аравии, а в нашей стране — в Средней Азии, на побережье озера Байкал, на Кольском полуострове, на Рижском озере, в долине Днепра под Херсоном.

Путешественник В. К. Моляревич в одном из прибрежных районов Кольского полуострова услышал однажды высокой, мягкой, переливающей свист. «Это был не обычный скрип песца, — вспоминает Моляревич, — но пески издавали «поющий» на звук, удивительно похожий на звук, издаваемый лопухом или песком взыгнула... По мере приближения к дюнам ворчанье под

ногами становилось громче и выше по тону... Налетевший порыв ветра взметнул песок, и вокруг меня все зазвенело. Поразительно близком расстоянии напоминавшего перелетные флейты влады высоких нот органа...»

Что же представляют собой «поющие» пески, чем вызвано их звучание?

Доказано, что способностью «петь» обладают только сухие, хорошо переваемые, лишенные пыли кварцевые пески с одинаковым размером зерен до подмиллиметра в диаметре. Причем звуки, издаваемые песками пустыни, обычно значительно громче, чем «певные» прибрежных песков. После дождя или в пасмурную погоду, когда воздух влажный, звучание песков прекращается.

Советский ученый Я. В. Рожко воспроизвел звучание песков в лабораторных условиях, хорошо прослушавший и проанализировавший песок исследователем помещал между обкладками конденсатора и наэлектризовал. Песок зазвучал: завернувшись в шелковый платок, он при нажиме издавал скрипящие звуки. Сначала звуки были громкие, но с течением времени они понижались, а через два дня прекратились вовсе.

Проведенные опыты дают основание предположить, что причиной «пения» песков в природе является естественная электризация отдельных песчинок.

Л. АБРАМОВ,
действительный член
Союза писателей
географического общества.

БУДНИ ПРОМЫСЛА «НЕФТЯНЫЕ КАМНИ»

На этом снимке — мастер по добыче нефти, бригадир комсомольско-молодежной бригады Гранд Багрян. Фотоаппарат, к сожалению, не может рассказать о нелегком, суровом труде нефтяника, о том, как рвет разъяренный Каспий, как отливает золотом нефть, стекая в огромные резервуары.

Гранд Багрян, бригадир второго промысла «Нефтяные камни» треста «Оргнефть», — один из тех отважных людей, которые ушли далеко в море добывать черное золото.

Богатейшие запасы горючего таятся в недрах под бурным Каспийским морем. Не зря буровые мастера говорят: «Под морем — нефти море». Здесь нефть особая, высококачественная. Смелка и творческие дерзания дали возможность советским людям проникнуть через огромную толщу воды и многие слои твердого, нередко каменистого грунта в еще не изведанные доселе земные глубины.

Вышли все дальше и дальше шагали от берега в море. Узел на километровой протяженности эстакада — широкий мост на металлических сваях, по которому пролегают узловые трубы нефтепроводов.

Удивительно красочна трудовая ночь на Каспии. Золотой чешуей дрожат на зыбкой воде отблески множества электрических огней. Но море обманчиво, коварно. Местами бывает Каспий в штормовую непогоду.

«Кто на Каспии не бывал, тот ветра не видал», — говорят моряки. Почти триста дней в году дуют над этим морем ураганы ветра. Здесь штиль может вдруг смениться неистовым штормом; вместо норда часто врывается «морная» — ветер из туркменских недров степей; и тогда море становится страшным: гуляет крутая волна, поднимаются смерчи...

В упорной борьбе со штормами добывается черное золото. Недавно на промысле «Нефтяные камни» произошел такой случай.

Дежурный радист «Нефтяных камней» Виктор Русаков третий час тщетно пытался вызвать «Байюнас» — одну из самых отдаленных буровых, которая расположена на отдельном столбце основании в открытом море.

— «Свайная», «Свайная!» — повторял он. — Я «бронзав». Отзовитесь!

Из оная радист Русаков видел, как тяжелые волны, набегая одна на другую, с ревом ударялись об эстакаду; в поисках нефтяников, раскинувшихся на эстакаде, люди передегивали, уцепившись за перила; ветер рвал одежду, сортася стены домов... Meteorологическая свистящая сообщила, что семибальный шквал к

исходу дня усилится до девяти баллов. «Если здесь свирствует такой ураган, то что же делается на буровой?» — подумал Русаков и продолжал вызывать «Свайную».

В это тревожное время раздались телефонный звонок. Радист сразу узнал голос Мамедова, заведующего вторым промыслом.

— Как связь со «Свайной»? — волновался молодой инженер.

В последнем сообщении с буровой говорилось, что цехалом унесены в море швартова площадка и деревянный настил. Люди укрылись в будке.

— Продолжайте вызов, — сказал инженер, — а мы попробуем выяснить положение на месте...

Через несколько минут новенький сейнер отошел от причала и взял курс на «Свайную». Судянышко, словно скорлупку, по подбрысало на гребень волны, то

швыряло в пучину. «Свайная» близко, но на ней не видно ночных огней, не видно будки.

— Человек за бортом! — вдруг раздался голос впередсмотрящего. — Второй человек за бортом! — Изготовить спасательные средства! — скомандовал капитан сейнера Белокуров. — Тихий ход!

В воду полетели спасательные круги. Но их относил в сторону. Тогда в воду бросились матросы сейнера Мамедов и Ногаев. Они помогли нефтяникам «Свайной» взобраться на борт. Оказалось, что примерно час назад ветер содрал будку, и люди очутились в воде. Спасенных вывели на причал промысла «Нефтяные камни».

..Нелегко приходится и бригаде комсомольца Багряна, когда бушует свирепый норд-ост. Гудит, сортася от ударов воды,

стальные каркасы нефтяшек. Соленые бригаги плещут по лицам работающих людей; намочив шапки так затвердевает, что даже трудно поднять руки.

Особенно свирствует Каспий зимой. Но как бы ни было трудно, не в характере комсомольцев отступать. Вдохновенные патристическими делами своих сверстников, морские нефтяники с новой силой принимаются за свой нелегкий, но почетный труд. Ведь нефть, которую они добывают, ждуг фабрики и заводы во всех уголках необъятной Родины. Это вдохуевляет жаждо.

В честь 37-й годовщины Октября Гранд Багрян вместе со своей бригадой преподнес любимой Родине достойный трудовой подарок — много десятков тонн сверплавной нефти.

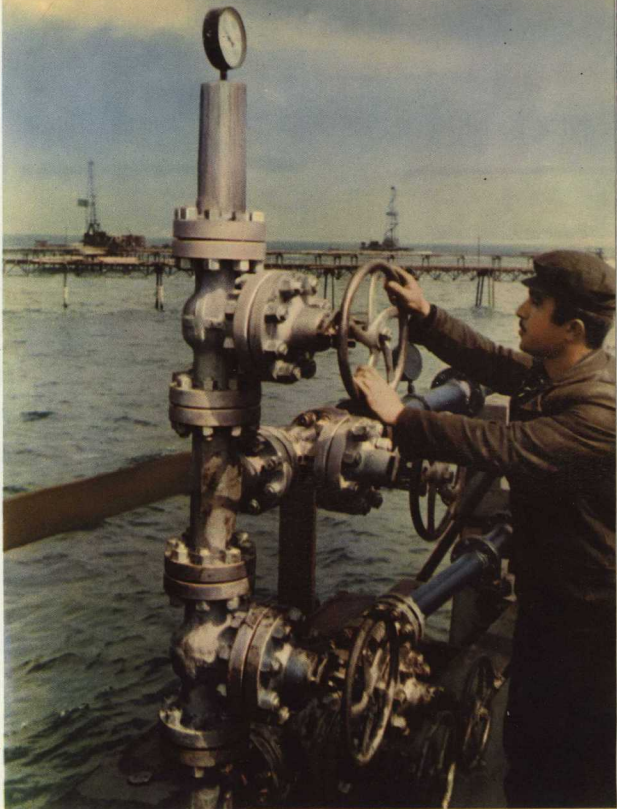

Фото Б. Вдовенко.

Брандел.

Ю. Ятченко.

ВАЖНАЯ ТЕМА

Просторный заводской цех. Только что закончилась смена. Возле конторки мастера собралось несколько человек. В основном здесь молодежь, комсомольцы, по чьей инициативе, должно быть, и создана эта производственная «летучка». Поводом для собрания послужило чрезвычайное происшествие: в цехе обнаружен брак. Вот перед столом, на котором как вещественное доказательство сложены забракованные шестерни, стоит и сам виновник брака — молодой парень: брюки заправлены в сапоги, ворот рубашки расстегнут, на голове кургузая кепочка. С осуждением смотрит на браковедла его товарищи по работе: ведь своим недобросовестным отношением к труду, к производственному долгу он кладет пятно на весь цех, позорит коллектив!

«Браковедла» — так и называется эта картина молодого украинского художника Ю. Ятченко. Автору картины хорошо удалось передать напряженность момента. Мы видим выразительные лица участников этого совещания. Особенно запоминается девушка с комсомольским значком. Удачно схвачен и образ старого мастера. Чувствуется, что поступок иррационального рабочего вызвал всеобщее возмущение и негодование, горьких и суровых слов было высказано по адресу браковедла.

Однако есть в картине, по-моему, один существенный недостаток. Весь облик браковедла вызы-

вает представление скорее о хулигане, нарушителе трудовой дисциплины, чем о рабочем-производителе, допустившем ошибку, которого сейчас критикуют товарищи.

Наши художники до сих пор еще мало картин посвящают труду, производству. Обычно в подобных картинах они основное внимание уделяют машинам, станкам, кранам, то есть технике производства, а не отношениям между людьми. Успех таких полотен, как «В ремесленном училище» Г. Сатая или «Свежий номер цеховой газеты» А. Левитина и Ю. Туална, объясняется именно тем, что художники сумели верно показать прежде всего людей труда, их взаимоотношения, затронуть вопросы, волнующие рабочих.

То, что молодой живописец обратился к важной производственной теме, заслуживает всеобщего одобрения. Задача, которую поставил перед собой художник — отобразить борьбу передовых рабочих, комсомольцев за качество продукции, — в основном решена правильно. Картина Ю. Ятченко, несомненно, сыграет определенную воспитательную роль и вызовет у молодежи живой отклик.

В. БАБЕНКО,

заместитель начальника цехового отдела Московского завода малолитражных автомобилей, лауреат Сталинской премии.

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Однажды Василия Кучера вызвали на районное совещание механизаторов. Вернувшись оттуда, он не стал ни отдыхать, ни беседовать с кем-либо, а сразу же спустился в шахту: хотелось посмотреть, как работает заменивший его машинист комбайна Борис Кулагин.

Бывший из под-земли, Василий пересел в подземный трамвайчик и вскоре очутился около 12-й восточной лавы.

Подходя к лаве, он тревожно прислушался: стояла необычная тишина. Освещенная лампами дневного света, у лавы застыли порожние вагончики, а сбоку, привес на корточки, уныло поглядывала по сторонам насащенная угля. Неподвижно застыла лента конвейера. Не проявля признаков жизни и комбайн, вытнувшийся ставшим уловившим вдоль угольного пласта.

Около машины возмился горняк. Среди них выделялась рослая, атлетическая фигура Бориса Кулагина. Чуть свинув каску назад, он озадаченно почесывал затылок.

— В чем дело? Почему стоит машина? — резко спросил Василий.

Заметив своего бригадира, горняк поднялся. Кулагин, укоризненно глядя на машинку, сердито промолвил:

— Да вот, черткая, заглохла...

На заплаканных лицах блеснули улыбки. Но, посмотрев на Кучера, горняки мгновенно погасили их в ожидании «разноса». Однако Василий не сказал ни слова. Он нагнулся и стал тщательно осматривать машину. Причина неисправности была ясна: молодой водитель Кулагин увлекся работой и забыл смазать комбайн, из-за этого вышла из строя шестерня редуктора режущей части.

Выпрямившись, Кучер спросил Кулагина:

— Сколько простоял комбайн?

— Да, сбитый, почти три часа.

Когда поднялся инструктор комсомольской организации шахты собрал в комитете молодых рабочих. Шахтеры резко критиковали Кулагина, допустившего аварию в лаве.

Ожидали, что Василий Кучер обрушится на машиниста с еще большими упреками. Но бригадир, сдерживая возмущение, заговорил строго и вместе с тем по-дружески мягко:

— Мне хотелось бы рассказать Борису одну историю, услышанную мной еще от отца... Это было до революции. Хозяин одной из шахт нашего Чистяковского района выплеснул из-за границы врубную машину. Сделал он это не для того, конечно, чтобы облегчить труд шахтеров, а чтобы больше прибыли выколачивать. «Как только машина поядет», — сказал он штейгеру, — так всех зарубчиков на ставку чернорабочих привезем... Шахтеры узнали про этот разговор и придумались. На ведомо откуда привезенного врубнишника они стали смотреть, как на своего личного врага. На работу этот «механизатор» ходил в сопровождении телеграфиста.

Молодые шахтеры засеялись:

— Вот это здорово!

— Не любил, очень не любил «механизатора» горняки. Да и не удивительно: механизация несла шахтерам лишь уменьшение заработной платы. И случилось так, что через две недели лавы, в которой работала врубная, обрушилась и завалила ее... Хозяин забесился, долго ругался, а потом подумал и решил незачем такое большое деньги на машину, когда দেশ рабочих рук хоть отбавляй. И все пошло по-старому. Скрипели старые деревянные копыры, в лавы, узких и

Василий Кучер.

маленьких, шахтеры обивались потом, добывая уголь вручную...

Василий оглядел ребят: его слушали с интересом.

— В старину шахтеры незвабили технику, потому что она им несла новые лишения. А для нас машина — это лучший помощник. Она облегчает наш труд.

— Это верно, — подтвердил Кулагин. — Надо любить и знать машину, — продолжал Кучер. — Состояние комбайна, его «поведение» и «болезни» всегда должны быть ясны машинисту. Не переставая заботиться о машине, даже поднявшись наверх. Я, например, вернувшись домой из шахты, мысленно проверяю себя: «А не забыл ли смазать какую деталь? Все ли в порядке в комбайне, на котором уже работает сменичик?» Помните пословицу: «Машину любит аска, чистоту и смелку».

Молодые горняки знали, что Кучер, еще уча в горнопромышленной школе, всегда проявлял особое внимание к машине. По своей инициативе он чистил и смазывал механизмы, имевшиеся в школе, и знал их лучше всех.

Когда возвращался домой, Борис сказал Василию Кучеру:

— Здорово это ты про механизатора с телеохранителем рассказывал. С того дня Василий Кучер чаще стал беседовать с Борисом, делал своим наблюдениями, опытом. Не сразу стало мастерство Кулагина. Комбайн у него нередко останавливался из-за того, что Борис неправильно, без учета крепости угля, брал скорость или рычагами вел машину. Иногда его подводила неправильная постановка зубков — комбайн подвигался то вправо, то в левую. Но таких случаев становилось все меньше.

Кучер вовсе не тревожился о том, что его помощник, переняв опыт бригадира, сможет уйти вперед, обогнать.

— Если ты обогнши меня, значит, прилетит мне у тебя поучиться. Только и всего...

Бригада Василия Кучера стала своеобразным подземным «университетом» для многих механизаторов.

Молодые комбайнеры его бригады научились улавлять и избегать машиниста.

Однажды раз в отсутствие Кучера в лаве неожиданно возник пожар. Случилось это вот по какой причине. Кабель, питающий ток комбайн, пришло стойкой. Оголился провод. Произошло замыкание. На блузу в лаве повисла кап метен. Голубая шапка горящего газа, пелена, повисла по лаве. Как только они прикоснулись к основным стойкам, дерево моментально вспыхивало. От металлических предметов голубые шпры отскакивали, издавая треск, похожий на пулеметную очередь.

Некоторые горняки, услышав треск и увидев огонь в лаве, растерялись было и начали выходить в штрек. Но в это время помощник машиниста Балышко, ученик Кучера, схватил огнетушитель и кинулся в лаву.

— За мной, хлопцы! — крикнул он, надевая маску. — Комбайн вырвать надо!

Его примеру последовали другие горняки. Рискуя жизнью, они во-первых прекратили начавшийся пожар и спасли комбайн, который мог бы обгореть и надобно выйти из строя...

Как-то мы спускались в шахту, чтобы встретиться с Кучером.

Но пути разговорились с десятником вентиляции.

— Правду говорят, что у Василия Петровича ровный, спокойный характер? Десятник усмехнулся:

— Да как вам сказать... С какого конца подойти...

В откаточном штрече, ведущем к лаве, стали встречаться люди. Они ставили крепления, другие готовили новую камеру для вентилятора, питающего ток комбайна.

Когда мы подошли к 12-й восточной лаве, здесь было менее оживленно. Конвейер не подавал уголь комбайн стола.

Навстречу подошел рабочий, который трогается конвейер и из лавы, точно черная река, снова польется уголь. Но произошло другое. Раздался шум, и в штрек вылетел вздероженный, разгорченный человек. Только он поднялся на ноги, как из лавы выбежал другой. Он сердито и гневно что-то кричал вслед первому.

— Вот это и есть тот «спокойный» человек, о котором мы спрашивали, — с улыбкой пояснил десятник. — А тыла он из лавы своего начальника участка Якова Силача...

Понятно, что коллектив не оставил без внимания грубость машиниста и решил обудить его поведение. Было созвано открытое партийное собрание. Председателем являлся само Кучеру.

К стола президиума подошла маленького роста, худенький, с приятным лицом и непослушным, часто спадающим на лоб чубок горняк.

— Да, я ругался, я потребовал, чтобы Яков Силач ушел из лавы, — сердито начал он. — Все это верно, и за это меня надо ругать... Но разве только я один виноват во всем случившемся? Почему Яков Силач не вышел в себе смелости часую рассказать всему коллективу все, как было? Не разобрались, почему комбайн замедлял ход, он вырвал у меня рукоятку управления, перевел со второй на четвертую скорость, и комбайн тут же стал покачивать уголь. С большим трудом мы снова пустили машину. Тогда Яков Силач опять взялся за рукоятку управления, вклякнул последнюю скорость. Комбайн снова останавливался. Тогда я не выдержал... Комбайн доверил мне, и я воспринял это плохому отношению к машине...

Коммунисты и комсомольцы критиковали Кучера за его грубость, но резко осу-

дним и поступок незадачливого руководителя.

Настоящая, большая любовь к технике приносит молодым горнякам новые успехи в труде.

Усовершенствовав комбайн, шахтеры бригады Кучера начали вместе со всем коллективом шахты рационализировать и все производство. Они детально просмотрели весь цепь технологического процесса и добились ускорения проходки откаточного и вентиляционного штреков, улучшения работы подземного транспорта. Лава была переведена на работу по графику — один цикла в сутки.

Все это давало возможность почти вдвое повысить добычу угля.

Обычно в лавах шахты работал по два комбайна. Продолжительное время никто на это не обращал внимания, ибо так было на всех шахтах Донбасса.

— Два комбайна — зачем это нужно? — сказал как-то старый горняк Кузьма Редькин.

— А верно, — подтвердил Кучер. — В лаве можно обойтись и одним комбайном. Тогда шахтеры и ухаживать за ним будут лучше, и любить его крепче, и выработка каждого повысится.

К мнению коммуниста Редькина и комсомольца Кучера прислушалась вся шахта. Их поддержали партийная и комсомольская организации.

Но осуществить новаторскую идею оказалось нелегко. Бывший главный инженер треста «Исствозмаштракт» обоснованно осудил замысел горняков шахты № 3-бис, представив их чуть ли не антимеханизаторам. Им запретили выводить из лавы второй, запасной комбайн.

Задумались шахтеры. Как быть?

По предложению партбюро шахты решение было проверить ценность идеи новаторов в одной из лав.

Испытания дали самые блестящие результаты. Производительность комбайнеров резко повысилась...

Однажды украинского новатора пригласил к себе польские горняки. Василий Кучер приехал в Силезский угольный бассейн. В первый же день он посетил крупную шахту «Анна», где осваивался привезенный сюда советский комбайн «Донбасс». Василий надея спецовку, спустился в лаву, где работал молодой горняк Кебеля. — Честь труду! — приветствовал Кучер польского товарища.

Услышав традиционное приветствие силезских шахтеров, Кебеля умилился и крепко пожал руку советскому шахтеру. Василий около двадцати минут наблюдал за работой Кебеля. Его комбайн работал на второй скорости, хотя уголь был мягкий.

— Друг! Прибавь скорости! Переходи на четвертую! — посоветовал Кучер. Кебеля остановил машину и, умилившись, жестом пригласил донецкого горняка показать свое мастерство.

Проверив электродвигатель грузчика, поднимая облойный штанин и режущую цепь козального бара, Василий сматывал машину, определял крепость угля.

Видя, что советский новатор не спешит с пуском комбайна, штейгер с беспокойством посмотрел на часы: горитесь, мол, зря дорогие время. Василий Кучер понял притчину беспокойства штейгера, но не тропился. И лишь убедившись, что машина полностью готова к работе, нажал кнопку и повернул рычаги.

Буквально через тридцать минут комбайн пришлось остановить. Уголь пошел на асду конвейера таким мощным потоком, что вскоре не хватало порожняка: подземный транспорт не поспевал за комбайном.

Польские горняки с восхищением смотрели, как работает советский шахтер.

...Молодость не мешает Кучеру быть и хорошим учителем. Кропотливо передает он свой опыт и знания другим шахтерам. Многие умелые механизаторы воспитаны в своей бригаде Василий Петрович Кучер — известный донецкий горняк, лауреат Сталинской премии.

Фото Н. Семеновка.

НА КРУЧЕ

Над нами береза вздыхает
И смотрит в простор голубой.
Волна за волной набегает,
Бросая на берег крутой.

И солнце играет на сучьях,
И ветер листвою шумит.
Мы в дружбе клянемся на круче,
А кручу волне не разбить.

Пусть осень последние листья
С печальной березы сорвет,
Пусть злыга с отчаянным свистом
К березе пути заметет;

Пусть в жизни кипучей тревоги
И нас не обходит порой,
Но мы не забудем дороги,
Дороги на берег крутой.

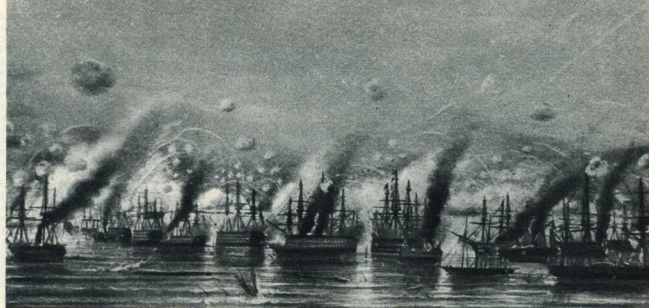
Мы в дружбе не ищем покоя:
В суровые годы росли.
Пусть ветер, швыряясь волною,
Нас хочет пригнуть до земли, —

Никто нас вовек не разлучит,
И счастье у нас не отнять...
У старой березы на круче
Назначим свидание опять.

А. ГЕРАСИМОВ,
технолог

Генерал-майор
П. МУСЬЯКОВ

ПОДВИГ РУССКОГО НАРОДА

Бомбардирование Севастополя в 1854 году.

Литография А. Мюнстера с рисунка В. Тимма.

Гениальный русский писатель, участник Севастопольской обороны 1854—1855 годов, Лев Николаевич Толстой писал: «Надого оставит в России великие следы это зловеще Севастополю, которой героюм был народ русский...»

В течение одинадцатимесячной осады города русские солдаты и моряки, героически защищая Севастополь, выдержали исключительные испытания, показав при этом примеры высокого патриотизма и моральной стойкости, умение воевать, подлинно русскую смекалку и находчивость — замечательные качества, присущие нашему народу.

В Крымской войне 1853—1856 годов потерпел поражение отсталый, самодержавно-крепостнический строй России, сковывавший богатые творческие возможности русских людей, потеряли поражение бездарные царские генералы, плохо руководившие войсками, но солдаты и матросы, сыны талантливого и мужественного народа, не были побеждены. Своими беспримерными подвигами они покрыли русские боевые знамена неуязвимой славой.

Формально Россия в годы Крымской войны воевала с Англией, Францией, Турцией и Сардинией. Но фактически против нее выступали и другие государства, которые поставляли союзникам оружие, снабжали их техникой, активно судостроили им, оказывая на Россию дипломатическое давление. Угрожали России своим вступлением в войну Австрия и Пруссия, правители которых являлись доисторической политикой по отношению к нашей стране. Антирусской коалиции активно помогли Северо-Американские Соединенные Штаты. Достаточно сказать, что американский генерал Мак-Клеелан постоянно находился под Севастополем в ставке союзников, а американские суда не только перевозили их войска и военные грузы, но и предоставляли свои базы для английских и французских кораблей, навадших на русские берега на Дальнем Востоке. Америка намеревалась в ходе войны захватить Аляску, Камчатку, Пинамурье и другие русские земли.

Правители США усилению раздували конфликт между Россией

и ее противниками, надеясь поживиться на войне, которая, по их мнению, должна была ослабить как самих русских, так и антирусскую коалицию.

Войну против России начала Турция. Англия пыталась ослабить своего противника — Россию — чужими руками, но когда черно-

ча: несколько их кораблей, пытаясь произвести разведку фарватеров у Кронштадта, подвергавшись на русских минях и получив повреждения, быстро ушли на запад. Таким образом, полной блокады не получилось, и уже в октябре 1854 года англичане не только хлебаши ушли из Балтики.

В июле 1854 года англо-французские корабли блокировали Бюле море, обстреляли прибрежные рыбацкие поселения и Соловецкий монастырь. В сентябре того же года английские и французские корабли атаковали Петропавловск-на-Камчатке, но были отбиты небольшими русскими гарнизоном, возглавляемым генерал-майором В. С. Завойкиным.

Все эти нападения на границы России делались с одной целью: отвлечь вооруженные силы русских к дальним окраинам огромного государства и тем самым обеспечить успех на главном направлении — в Крыму.

Основная масса вражеских войск высадилась 13—16 сентября 1854 года в Елпатори. На 300 транспортах сюда было доставлено 62 тысячи человек, 134 орудия и большое количество боеприпасов. Русские тогда имели в Крыму всего около 35 тысяч солдат и, конечно, не смогли серьезно помешать высадке. Только через неделю главную командующую русской армией князь Меншиков поднял свои войска навстречу противнику, на-

ступавшему вдоль берега к Севастополю.

Противник стремился быстрее занять этот город с его удобными бухтами, способными принять и обеспечить безопасную стоянку сотням различных кораблей. Открытый и неглубокий рейд Елпатори, где высадился десант, не мог быть надежной базой для большого флота, особенно в осеннее время.

Войска Меншикова встретили противника на левом берегу малоконводной речушки Альмы и дали бой. Сражение началось рано утром 20 сентября и продолжалось почти весь день. Несмотря на численное превосходство и лучшее вооружение (у русских было 30 тысяч человек и 96 орудий, у союзников — 55 тысяч и 120 орудий), противник не сумел добиться серьезного успеха. Русская армия хотя и понесла большие потери — 5 500 человек, но отступила в полном порядке к стороне Севастополя. Союзники же, потерявшие 4 300 человек, так были измотаны сражением, что не рискнули преследовать русскую армию. Только через несколько дней они подошли к Севастополю, но не решились атаковать город с ходу, хотя в это время там был совсем небольшой гарнизон. Союзники боялись, что русская армия, отступившая к Бахчисараяу, сможет нанести им внезапный удар с тыла. Они прошли мимо города и заняли местность к югу от него, чтобы использовать для

Солдат-участник первой обороны Севастополя.

Рисунок А. Кокорина.

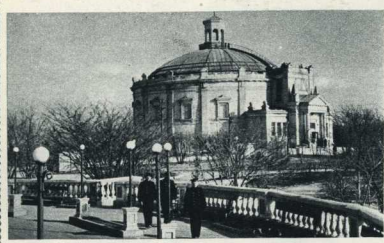
морская эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова начисто уничтожила в Синопе турецкую эскадру, а турецкая армия стала терпеть неудачу за неудачей, английские и французские правители не на шутку встревожились: они опасались, что в случае разгрома Турции Россия может выйти из войны еще более сильной. Это ускорило военное вмешательство Англии и Франции. 15 марта 1854 года они официально объявили войну России. В апреле англо-турецкая эскадра обстреляла Одессу и пыталась там высадить десант, но русские полевые войска сбросили десант в море и нанесли серьезные повреждения вражеским кораблям.

В апреле же английская эскадра вошла в Финский залив и объявила блокаду русских берегов. Но англичан снова постигла неуда-

На защиту Севастополя.

Рисунок А. Кокорина.

Восстановленное здание панорамы «оборона Севастополя».

Севастопольская панорама

На Историческом бульваре в Севастополе, на том месте, где некогда находился четвертый бастион, среди яркой зелени высится белоснежное круглое здание,

построенное из инерманского камня. Здесь помещается знаменитая панорама «оборона Севастополя». Огромная картина-панорама «Штурм 6 июня 1855 года» создана

полковником художником Ф. Рубо. На ней изображен один из самых ярких моментов Крымской войны — той, в котором героические защитники Севастополя отбили ожесточеннейший натиск врага на укрепления Корсбольной стороны. После жестокого взятия противник отступил, оставив на поле боя тысячи трупов солдат и офицеров, одетых в английские, французские, турецкие мундиры. Талантливое произведение художника Рубо получило единодушное признание народа. Миллионы людей с огромным интересом осматривали эту картину.

Во время Великой Отечественной войны здание панорамы было почти полностью разрушено. Советские воины под обстрелом вынесли из огня разграбленную на куски картину. Однако, несмотря на все усилия бойцов, спасти дорожку серпид русских людей произведение искусства не удалось. Полотно сильно пострадало. Воспаленный художником, возглавляемым действительным членом Академии художеств СССР дуэтом Станислав премия Н. Соловьевым Сидя, закончила работу над восстановлением картины. На огромное полотно длиной в 114 и высотой в 17 метров художником перенесены с сохранившегося фрагмента и фотоподлинки подлинника панорамы контуры рисунка, затем приступили к живописным работам.

Советские люди снова увидели замечательную картину-панораму.

базирования своих кораблей несколько бухт, находящихся южнее Севастополя.

Командование союзными войсками наметило первый штурм Севастополя на 17 октября. Противник намеревался массированным огнем полевых и корабель-

всех своих мачт, а французский корабль «Город Париж» получил 50 пробоин, из них 3 подожгли. На этом корабле была перебита большая часть адмиральского штаба французского флота. Корабли союзников получили столько повреждений, что командова-

руководителей Севастопольской обороны, начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов. Последними словами умирающего адмирала был приказ: «Отстаньте же Севастополь!»

После гибели Корнилова фактическим руководителем обороны стал герой Синопа вице-адмирал П. С. Нахимов. Русские воины с противником, имевшим значительно лучшее оружие, почти неограниченное количество боеприпасов и численное превосходство в людях. Отставая крепостничая Россия, с ее омерзительной промышленностью и бездорожьем, не могла дать защитникам Севастополя столько оружия и боеприпасов, сколько получали войска союзников. Поэтому на три—четыре снаряда друга русские отвечали одним снарядом. Неравенство в стрелковом оружии было еще большим. Русские пехотинцы имели гладкостенный ружья, стрелявшие на дистанцию втрое меньшую, чем нарезные ружья англичан и французов.

Тяжелое положение защитников Севастополя усугублялось авией бездарным руководством главнокомандующих русскими войсками

в Крыму князем Меншиковым и Горьковичем. Эти военные начальники поставили посты главнокомандующих только благодаря своей близости к придворной камерлиеру, скопывали инициативу передовых командиров, не смогли использовать замечательные боевые качества русских солдат и матросов.

Дже при неравном вооружении и количестве войск Меншиков и Горьковичи имели возможность нанести союзникам гораздо больший урон. Сражения под Балаклавой 25 октября 1854 года, на Инкерманских высотах 5 ноября 1854 года и на реке Черной 16 августа 1855 года могли существенно изменить положение русской армии. Но бестолковое управление войсками со стороны главнокомандующих свело почти к нулю результаты героических подвигов русских солдат.

Севастопольцы за одиннадцать месяцев осады выдержали несколько массированных бомбардировок и штурмов и только 8—9 сентября 1855 года оставили южную сторону города, превращенную почти в сплошные развалины.

Заняв южную и восточную окраины Севастополя, а также центр города, противник в результате тяжелых потерь уже не в состоянии был наступать дальше. До самого конца войны Севастопольская панорама оставалась в руках русских войск. Врагу, хотя он и располагал огромным флотом, на протяжении всего периода войны так и не удалось войти в Севастопольские бухты. И это не только потому, что ему преградили путь затопленные корабли. Дело в том, что на Северной стороне стояли непобежденные русские батареи, в любую минуту готовые к бою.

Оборона Севастополя с суши была создана в течение двух—трех недель. Правда, она все время совершенствовалась, но главные оборонительные линии — батареи, укреплённые артиллерийские и командирские, снятыми с кораблей, были построены в конце сентября — начале октября 1854 года. Их строили не только солдаты и матросы, но и жители города, в том числе женщины и дети. Одна батарея так и называлась — «Девичья».

При создании оборонительных сооружений русские воины применили много новых методов борьбы с врагом. Русская система расположения батарей, бастионов и редутов была самым передовым по тому времени. Впервые в широких размерах был использован

Десант черноморцев.

Из серии рисунков художника П. Баранова «Героический Севастополь в годы Великой Отечественной войны».

ных орудий подавить русскую артиллерию, разрушить укрепления, а затем штурмом захватить кавалерию и одновременно ударом с моря захватить город.

Этот день был серьезным испытанием для севавтопольцев. Бой происходил при явном неравном силе. Союзники под Севастополем располагали 122 орудиями на суше и 1340 орудиями на кораблях. У русских артиллерии было в несколько раз меньше. Противник выпустил более 100 тысяч снарядов, русские же — только 36 тысяч, но их огонь все же был более действенным, и нанес врагу значительный урон. Английский линейный корабль «Альбион» получил тогда 93 пробоины и лишился

силы интерветов в дальнейшем ни разу не рискуя вестись в бой свои корабли против русских береговых батарей. Тяжелые потери понесли также и вражеские артиллеристы.

Не достигнув победы над русскими в артиллерийском бою, союзники отказались в тот день от штурма. Пехотные и кавалерийские дивизии, подготовленные в близины тылу для штурма, так и простояли весь день без движения, тщетно дожидаясь сигнала атаки.

В первый день обороны погибли много и русских воинов. Помимо нескольких тысяч убитых и раненых, во время бомбардировок пал смертью храбрых один из

На подступах к Севастополю.

Из серии рисунков художника П. Баранова «Героический Севастополь в годы Великой Отечественной войны».

одновременный многоголосый огонь из разных огневых точек и с кораблей флота, точнее, кстати сказать, считали очень важную роль в обороне города. Русские адмиралы и генералы Нахиков, Корнилов, Хрулев, Хрущев, Васильчиков совместно с талантливыми саперными офицерами Поляновым, Сахаровым, Преснухиным, унтер-офицерами Найденом, Петровым разработали и осуществили на деле основы активной обороны. Враг не знал покоя от ночных вылазок, от минных галерей и подкопов, от лихих налетов пластунов.

Русские солдаты и матросы, жившие Севастополю, руководимые талантливыми офицерами, создали еще невиданные в мире батальоны, редуты и батареи, связь их целой системой ходов сообщения, защитных стен и отрядов минных полей, засекан, волчьих ямками. Русские саперы для взрыва мин уже тогда пользовались безотказными электрическими взрывателями, в то время как

Прославленная пулеметчица Нина Жукова.

союзники применяли еще закатательные шурупы, нередко отказывавшие в сырых подвалах. Минная война с помощью подземных галерей и подкопов велась русскими саперами более искусно, чем союзниками. Это не раз отмечалось даже западноевропейской печатью. Русские саперы, возглавляемые офицером Мельниковым, проделали в скалистом грунте 4 889 метров подземных галерей и рвов — а пять раз больше, чем союзники.

Чудеса храбрости и находчивости проявляли разведчики русских войск, особенно те, которые действовали под руководством офицеров Бирюлова, Демченко, Астапова, Завалишина. Они по ночам врываются в окопы и на батареи врага, уничтожая орудия, брали пленных. Это были Петр Кошка, Игнат Шевченко, Федор Жаков, Иван Демченко, Василий Чумаченко, Афанасий Елисейев, Яков Матов и многие другие.

Передовые русские офицеры, генералы и адмиралы, развивая славные традиции Суворова, Ушакова, Кутузова, большое значение придавали моральному состоянию воинов. Они возбуждали в них лучшие патристические чувства, всякий раз подчеркивая, что победа над врагом зависит прежде всего от успешных действий каждого солдата и матроса. Приказы по войскам, написанные Корниловым, Нахиковым, Хрулевым и Хру-

щевым, содержали такие слова и выражения, которые никак не вписались в существовавший тогда в России помещичье-крепостнический строй. Нахиков, например, называл матросов боевыми товарищами по оружию. Корнилов говорил войскам, что если кто-либо из начальников приказает отступить, то заколите его, а «если бы я офицером ударил отбой — не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьет меня».

Все это резко противоречиво взглядам на солдата и матроса, распространенным тогда в Европе, да и в России среди реакционного офицерства. Европейские военачальники слепо придерживались известной формулы Наполеона: «Лучше стадо баранов, возглавляемое львом, чем стадо львов, возглавляемое бараном». Несостоятельность этой теории об исключительной роли полководца как выходящей личности Наполеон испытал на собственном опыте. Но все же неудачливые последствия продолжали презирать солдат и матросов, считая их впущенным мясом.

В обороне Севастополя особенно ярко проявились замечательные качества русского народа, которого агрессоры вынуждали вступать за оружие. «Русские солдаты», — писали Маркс и Энгельс, — являются одним из самых храбрых в Европе». Солдаты и матросы представляли самые широкие народные слои России, своим героизмом и самоотверженностью показали, что решающим фактором победы является народ — творец истории.

Советские воины первыми от своих предков все передовое и

Защитники Константиновской крепости.

На серии рисунков художника П. В. В. в 3-й и 4-й «Первоначальной Севастополю в годы Великой Отечественной войны».

лучшее, обогатил славные боевые традиции русских вооруженных сил. Эти традиции особенно ярко проявились во время второй обороны Севастополя, которая проходила в гораздо более трудных и сложных условиях, чем первая оборона.

Во время второй обороны Севастополя — в дни Великой Отечественной войны — советские люди, руководимые Коммунистической партией и вдохновляемые идеями справедливой, освободительной войны, показали еще больший героизм и самоотверженность в бою. Героизм был массовым, повседневным явлением, обычной нормой поведения советского человека, вставшего на защиту своей родной земли.

Восемь месяцев держали оборону Севастополя советские воины в 1941—1942 году, нанеся врагу огромные потери и сковав

у стен города крупные соединения противника. Фашистская армия потеряла под Севастополем до 300 тысяч человек, массу оружия, большое количество боеприпасов.

Длительная оборона Севастополя существенно повлияла на всю стратегическую обстановку на Южном фронте в первый период войны. Гитлеровцы не смогли начать своего штурма разоруженного «вечного наступления» на юге, пока не был взят Севастополь. Но это далось им ценой огромных затрат как в живой силе, так и в технике. После взятия города 11-я фашистская армия генерала Манштейна была так обескровлена, что немецкому командованию не представилось возможным использовать ее в левом наступлении. Только осенью, после пополнения людьми и оружием, эта армия снова появилась на фронте.

Совершенно новую картину представлял штурм Севастополя советскими войсками в 1944 году, когда они освободили город: герой от фашистских захватчиков. В течение трех дней (7—9 мая) советские Вооруженные Силы освободили этот героический город, ликвидировав мощную оборону противника, а три дня спустя, 12 мая, полностью ликвидировали остатки всей фашистской армии, действовавшей в Крыму.

Севастополь был сильно разрушен. Благодаря самоотверженному труду строителей, которым активно помогал флот и местное население, город-герой восстановили в исключительно короткий срок.

Севастополь! Как дорого это слово советским людям, как гордятся они боевой славой города-героя! Хорошо выразил его величие участник второй обороны Севастополя поэт Сергей Алымов:

С чем, Севастополь,
Тыся сравнить?
С героиней Греции?
Древнего Рима?
Славя твою, что в гранит
Или в гранит,
Ни с чем и истории
Несравнима.

В связи со 100-летием героической обороны Севастополя в 1854—1855 годах и отмечая большое значение Севастополя в истории нашей Родины, правительство наградило город Севастополь орденом Красного Знамени.

Вечно будет сиять немеркнущая слава города-героя, городо-труженика. Недаром — создатели его — русские моряки и солдаты — дали ему имя Севастополя, что означает город славы.

Памятник русской славы

У входа в Севастопольскую бухту, на искусственной скале, выступающей из воды, стоит стройный колонна. Вершина ее увенчана статуей сидящего в расправленных крыльях. Это памятник морякам, участвовавшим в героической обороне Севастополя в 1854—1855 годах.

Во время Крымской войны, по приказу адмирала Нахикова, русские моряки затопили свои корабли, чтобы преградить вражескому флоту путь в Севастопольскую бухту. Топливо было морями расставлено с кораблями, на которых они не раз пробили врага. Но этого требовали интересы обороны города.

В память об этом событии и установлена колонна, созданная известным эстонским скульптором А. Адмсоном.

НЕСУТ ДОЗОР НЕСПЯЩИЕ ЗАСТАВЫ...

Рисунки В. Орлова.

У рубежа

Здесь вольги поют над головой,
Летают, невидя на границу...
Нурмат-ота, столетний звеньевой,
Поля колхоза видит пред собой:
Хлопчатник зреет, клонится пшеница.

Над полем птицы радостно галдят,
И даль полей зелено-золотая
Похожа на большой цветной халат,
Который только в праздник надевают.

Далеко от селений и дорог,
Но близко от застав,
Звену Нурмата
Достался самый крайний уголок
Родной земли — и щедрой и богатой.

А там, за пограничною чертой,
Согнувшийся от гора и неволи
Крестянин, изможденный и худой,
С тоской глядит на махущее поле.

Когда Нурмат туда бросает взгляд,
То кажется столетнему, что это
Он сам лет пятьдесят тому назад
Мотыжить свой клочок пришел с рассветом.

Восходит солнце... Жаркая пора.
На этой стороне в полях бескрайних
Плывут, как пароходы, трактора,
Гудят и машут крыльями комбайны.

Здесь, на границе,
Здесь, в родном краю,
На этом размежеванном просторе,
Старик и радость чувствует свою
И безысходное чужое горе.

То счастье, что дано ему навеки,
Что отобрать сумел у Нурмата...
Но поглотить... Что за человек
Идет сюда, согнувшись воровато?

Не в первый раз приходит «гость» такой,
Не в первый раз крадется он к границе:
Он послан, чтоб нарушить наш покой,
Похитить счастья нашего частицу.

Нурмат ждал долго счастья своего,
И счастье это, светлое, большое,
Пришло к нему совсем не для того,
Чтоб отдавать сейчас его без боя.

Оттуда, где река течет в тишину,
Через границу, прелесть в камыши,
Полз незаметно: то по грязи топкой,
То еле видимой змеиной тропкой.

Но замер он, услышав окрик: «Стоять!»
И поднял руки, не сказав ни слова...
Пред ним стояли двое: часовой
И старый человек седоголовой.

«Кабанья переправа»

Смывая с берегов свои песок,
Течет Аму, сурова, величава.
Камыш, болото, лес наискосок —
Вот вся она, «Кабанья переправа».

Сюда приходят кабаны,
 и тут
 Они рычат, грызутся, ищут бродо.
 Опустошают пажиты, ищут бродо.
 снуют
 По градам близлежащих огородов.

Мне помнятся те времена, когда
Здесь раздавался звон заморской стали.
Иные, тоже дикие, стада
Здесь по ночам Аму переплывали.

Их, как синей, скрывали камыши;
И, словно кабаны, бросались в реку
Вслед за своим кровавым курбаси
Подынные люди Утанбека.
Я был тогда мальчишкой, но в ночи
Я вскакивал от вопля: «Басмачи!»

Через дувал перелетал басмач,
Сверкал огонь и звякали копыта.
И долго, долго раздавался плач
Детей и жен над трупами убитых.

Домá дехкан горели по ночам,
И утром пахло в воздухе горельем.
Мы, школьники, «Проклятые басмачам!»
На грифельной доске писали мелем.

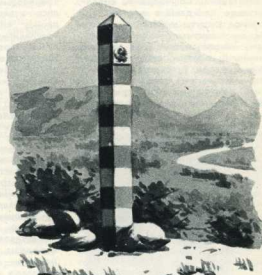
Мы точно знаем, кто их посылал
Жечь и топтать просторы наших пащан,
Кто смертоносный им вручал металл
И золотом платил за слезы наших.

Об этом я не стал бы вспоминать,
Но снова кто-то нам грозит пожаром,
И кто-то сыплет золото опять,
А золото, — его не сыплют даром.

И снова у «кабаньих переправ»
Закружились те, кого мы били,
Они солдат соседних нам держав
В заморские мундиры наряжали.

Но не пройти границы никому!
Несут дозор неспящие заставы,
И часовой у берега Аму
Не сводит глаз с «кабаньей переправы».

Пограничный столб

Граница. Здесь граничат свет и мрак.
Здесь пограничный столб Страны Советов,
Как восхитительный, штыкообразный знак,
Стоящий после ясной фразы: «Враг
Не ступит никогда на землю эту!»

Над буйною, нетоптанной травой,
Там, где рубеж земли чужой и нашей,
Столб пограничный встал, как часовой,
Как часовой, врагам страны он страшен.

Им этот столб не сдвинуть ни на пядь.
Ни сила их, ни ненависть тупая
Его не в состоянии расшатать,
Он в землю врос, с земною осью спаян.

Сквозь облака, сквозь сетку черных туч
Его сиянье видит вся планета.
Не солнечный на нем сияет луч, —
Он в землю врос, с земною осью спаян.

И, может быть, действительно сюда,
Через полные пустыни, степи, леса
Идут невдомы провода
С Фархада, Ангары и Днепротгаса.

И в том краю, где света вовсе нет,
На берегах, где лишь пелача безбрежна,
Простые люди видят этот свет,
Для них он и отрада и надежда.

Граница. Здесь граничат свет и мрак,
Здесь пограничный столб Страны Советов,
Как восхитительный, штыкообразный знак,
Стоящий после ясной фразы: «Враг
Не ступит никогда на землю эту!»

Авторизованный перевод с узбекского Н. ТРЕБНЕВА.

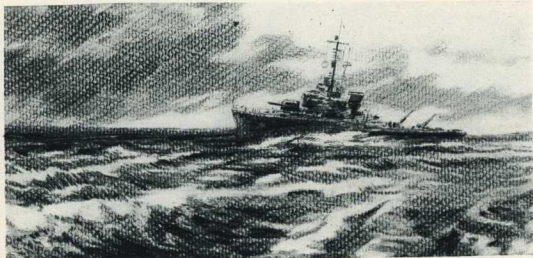

Рисунок П. Пинигевича.

М. КОРНЕВСКИЙ,
капитан-лейтенант

КОМСОМОЛЬЦЫ ОДНОГО КОРАБЛЯ

ПОИСК

Командир большого охотника вскрыл полученный пакет. В нем оказался боевой приказ проложить курс и атаковать подводную лодку, обнаруженную самолетом в квадрате «Н».

Корабль тотчас отделился резким треском коколов громкого боя, возмещавших боевую тревогу. Загрохотали под ударами каблучков трапы, все пришло в движение...

Всплыв за кормой воды, корабль отошел от пирса. Командир посмотрел на часы — с момента получения приказа прошло семь минут.

«Начало неплохое,— подумал он,— если так пойдет и дальше, лодке не уйти».

Но для того, чтобы лодка не ушла, требовалось еще очень многое. В те считанные минуты, пока корабль уходит за пределы гавани, у командира должны созреть четкий план проведения поиска и такти подводной лодки, которая, конечно, не стоит на месте...

Штурман комсомолец Гурьянов принялся расчерчивать границы районного поиска. Командир мино-артиллерийской боевой части комсомолец Рудев занялся подготовкой глубинных бомб.

С высоты мостика командир видел, как слаженно, без суеты работают люди. Быстро и привычно двинулся по палубе старшина первой статьи Роговцев.

Комсомолец Роговцев — корабельный специалист высшего класса. За успехи в боевой и политической подготовке он награжден нагрудным знаком «Отличный минер». Политотдел недавно выпустил специальную листовку, которая призывала матросов и старшин брать пример с таких моряков, как комсомолец Роговцев.

У орудия застыл, готовый выполнить боевую команду, комсомольский расчет старшины второй статьи Сивева. Сивев — кандидат партии. На груди у него, как и у Роговцева, сияет знак отличия. Не было еще случая, чтобы комсомольский расчет во главе с Сивевым пошел командиром.

А вот прыгнул к окулярам дальномера старшина второй статьи Гурский — лучший дальномерщик соединения, секретарь комсомольской организации корабля. Он также награжден знаком отличия, адмирал специальным приказом отметил его мастерство.

На других боевых постах — у орудий и на сигнальном мостике, в машинном отделении и в радиорубке — вахту несут люди, любящие свое дело, привыкшие к морю. Нет, лодка не должна уйти!

Корабль, разрезая форштевень волн, стремительно шел заданным курсом. Теперь только в бинокль можно было рассмотреть тонкую полоску берега, оставшуюся позади. Скоро и она скрылась за горизонтом.

Убедившись, что все готово для атаки, командир приказал сыграть отбой боевой тревоги. Свободные от ходовой вахты матросы и старшины собрались на верхней палубе.

Одна обаятельная мысль волновала моряков: не упустить лодку, оказаться достойным славы первого комсомольского экипажа. Об этом говорил и в курилках и на боевых постах, этому посвящая «боевой листок» с призывом: «Образцово выполним боевое задание!».

Морской охотник был уже далеко в открытом море, когда штурман доложил, что корабль находится в районе, где замечена лодка. Гидроакустик старший матрос Абрамюва весь обратился в слух: на много миль вокруг нужно прощупать морскую глубину. Наконец лодка обнаружена!

Командир снова объявил боевую тревогу. Одна за другой последовали команды, а затем раздалась глухая подводные взрывы, и над поверхностью моря выросли гигантские, рассыпающиеся тысячами брызг суглтаны. Моряки заморы на боевых постах с ожиданием результатов своей работы.

Взрыв совсем рядом из-под воды показалась рубка подводной лодки, открылся люк, и на сигнальный мостик подводного корабля вышли офицер и матрос-сигнальщик. В руках сигнальщика быстро замелькала флажка. На корабле кто-то вслух прочитал: «Молодцы, товарищи! Посредник велел передать вам, что атака проведена отлично...»

Корабль возвращался на родную базу. В четких шеренгах замерли на верхней палубе моряки.

— Товарищи,— обратился к ним командир,— выши сегодняшние действия в море получили высокую оценку адмирала. За отличное выполнение боевой задачи объявляю вам благодарность.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответил передовой комсомольский экипаж.

В ШТУРМ

До выхода в море оставалось несколько минут.

— Смотрите, Казовников бежит! — удивленно воскликнул кто-то из матросов.

Услышав фамилию подчиненного, офицер Дьяков подошел к трапу, по которому Казовников уже поднимался на корабль.

— Товарищ старший инженер-лейтенант,— обратился моряк к своему командиру,— разрешите доложить: старший матрос Казовников вылезорвел.

— Когда же это вы успели вылезорвел? Вас только вчера в лазарет отпразднил!

— Товарищ старший лейтенант! Вель в море уходим...

— Немедленно возвращайтесь в лазарет!

Матрос нехотя сошел с корабля. В это время прозвучал команда: «По местам стоять, со швартовов сниматься!». И через несколько минут охотник начал медленно отходить от стенок Казовников, глядя на родной корабль, долго махал друзьям бескомпромиссно.

— Счастливого плавания!

...Едва корабль оказался за пределами гавани, началась качка. Большие всех не любил качку Тараан — маленькая рыжая собачонка, которую матросы с разрешения командира привезли на корабле. Тараан, по выражению своего главного покровителя — кока, «любял морскую службу». Каким-то своим, собачьим чутьем он в первые же минуты похода безошибочно определял степень предстоящей качки и в зависимости от этого выбирал для себя место. В такую погоду он обычно елел вахту наверху, возле камбуза, а ветреную — забирался в нижние помещения, где, как известно, качается меньше.

— Не собака, а барометр,— шутили матросы. На этот раз «барометр» облюбовал себе место внизу, и никакими силами выманить его оттуда было невозможно. Значит, сегодня качнет!

Чем дальше уходил корабль в море, тем ощутимее становились глухие удары волн о корпус. Искры, сыпавшаяся палубу, то слышно придеивалась к подломам матросских ботинок, то вдруг проваливалась, делая людей несомыми.

Именно такую обстановку командир корабля и считал самой лучшей для боевой учебы. Здесь, в открытом море, по кораблю разносился сигнал: начать тренировки!

Первым о готовности доложил командир орудийного расчета, отличник боевой и политической подготовки Мисслерсон. Его расчет на корабле любозно называют расчетом дружбы и братства народов. Командир орудия — стоиленко, наводчики — молдаванки и русский, подносчик снарядов — украинец. За высокие успехи в боевой и политической подготовке все

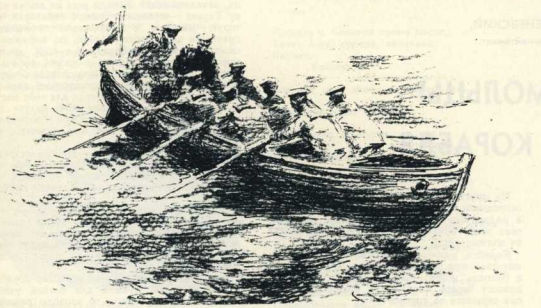

морских этого расчета удостоены почетной награды — награжденного орденом «Отечественной войны».

Расчет действует безукоризненно. Вот поступила команда заменить ствол орудия. Немолдная стрелка командирского секундомера дрогнула, пошла. Но не успела она пройти и половины предусмотренного нормативом времени, как расчет уже выполнил команду. Отличный результат!

Во время тренировок в штормовую погоду больше всех достается расчету старшины второй статьи Синева. Вот и сейчас на одежде Синева и его подчиненных сухой иттига нет: боевой пост все время захлестывает водой. А Синев как ни в чем не бывало подает команду за командой. Чтобы выводить эти команды, матросы-командоры надрывали все свои силы. Трудно в несколько секунд заменить «вышедшее из строя» приспособление орудия, когда мокрая, скользкая палуба уходит из-под ног, а брызги разбившейся о борт волны секут лицо, слепят глаза. Но моряки упорно тренируются — учатся тому, что необходимо в бою.

Море разгрозилось на нас в штучку. Во время одного из таких поворотов многотонная масса

воды ударила в борт с такой силой, что крен достиг критической точки. На верхней палубе ослабло крепление некоторых предметов. Это первым заметил комсомолец Роговцев. Перехватив за штормовый леер, он с трудом добрался до щели и надежно закрепил предметы.

Много часов боролся экипаж с морской стихией. Море свирепело, волны с грохотом перекатывались через палубу.

Трудно в море во время шторма. Но поспешно найти среди моряков этого комсомольского экипажа хоть одного человека, который бы согласился отсидеться во время шторма на берегу. Не найдешь такого!

Через несколько дней в стоянцу на якорю морскому охотнику подошел другой корабль, с которым из базы были присланы продукты. Перегрузкой была закончена, доставивший продовольствие корабль выбрал швартовку. В это время с него на палубу морского охотника прыгнул матрос.

— Смотрите! Это Казовников... Опять из лазарета сбегал!

Расчет Казовникова был точным: пока командир разбирается, в чем дело, корабль уже отойдет, а «спешком по морю» в лазарет не отправят.

Старший инженер-лейтенант Дьяков встретил Казовникова сурово:

— Что ж, Казовников, выходи, дисциплину нарушил! А ведь вы комсомолец, отличник боевой и политической подготовки.

— Товарищ старший инженер-лейтенант, я дисциплину не нарушил! Вы ведь сами не раз говорили нам: учитесь, привыкайте к тому, что необходимо в войне. А на войне и равные неравно в строю оставались. Разрешите занять свое место на боевом посту?

Мог для комсомолец Дьяков запретить комсомольцу Казовникову поступить так, как подсказывает ему сердце?

ШЛОПКА

Большой жизнью живут комсомольцы этого корабля. Многогранны их интересы. Здесь любят и знают литературу, музыку, живопись, увлекаются морской историей, живо интересуются событиями, происходящими в стране и за рубежом.

Но особое место в жизни моряков занимает спорт, особенно шлюпочный. На флоте говорят: «Шлюпка — визитная карточка корабля». Но тому, как выглядит корабельная шлюпка, как моряки владеют ею, можно судить о корабле в целом.

Переборки кают-компаний морского охотника усеяны грамотами за победы, одержанные в различных состязаниях. На грамотах надписи: «За первое место по гребле и парусу», «За первое место в шлюпочных гонках на переносной базе», «Шлюпочной команде, занявшей первое место в комплексных гонках». На видном месте стоит переходящий кубок флота по гребле и парусу.

Все это — свидетельство не только спортивного мастерства, но и высокой выучки: ведь без шлюпки в морской службе не обойтись.

Дмитрий НАГАЕВ

Инженер

Был рейс неважным — скажем сразу. И для принятия должных мер К нам в этот день с борта плавбазы Спустился новый инженер.

Все было то же — море, птицы... Но лишь ступил на судно он, Был экипаж, как говорится, Весьма приятно изумлен.

Рыбмастер выбрался из трюма, Старпом хитро прищурил глаза... Все сразу стали остроумней По крайней мере в десять раз.

Коса на ватник выбивалась, Как небо Севера, галаз... Ну, словом, в море не бывали Еще такие чудеса!

Но не забыв о самом главном, Весь экипаж успел узнать, Что «чужак» — Анна Николаевна И можно просто Аней звать.

Мы слушали ее советы, Но всем казалось нам: она С какой-то радостной палятией, Что нам отсюда не видна.

И было всем, пока несложный Тот разговор о рыбе шел, Немного грустно и тревожно, Но в общем очень хорошо.

Потом простилась с нами Аней, И мы на прощанье узнали... Все это было в океане, Совсем далеко от земли.

Согласно новому заданию, Мы вновь следку шлю быловить, И лишь рыбмастер с опозданием Запла, фальшивая, о любви...

Корабли

На корабль не смотрите у стенки, Где лебедки грохочут всегда, Где колышет с мшистым оттенком В разноцветных разводах вода.

Там, где даже подвинуться трудно, На швартовках, натянутых вкось, Равнодушно шевелится судно, Как застрявший на празднике гость.

Корабли не смотрите, не стойт, У причалов в портовой тени. Надо их посмотреть на просторе, Чтоб увидеть, какие они.

Как суровы они и красивы В беспоконный раздолье морском, Когда яростно, в полную силу, Воды пенные роят винтом!

Ведь они не для жизни в уюте — Для больших расстояний и дела... Оттого корабли, словно люди, И красивой и чище в труде.

Был такой случай. Группа кораблей вышла в море. Вдруг из флагманского корабля пошла сигнал: «Сделок за бортом!». На этот раз посланного в беду человека заменила сброшенная за борт вежа. Шлюпки других кораблей еще не успели коснуться воды, а вежа уже оказалась на борту морского охотника. Считанные минуты понадобились морякам, чтобы на ходу спустить шлюпку на воду, дойти до вежи, взять ее и доставить на борт.

Незаменим оказывается корабельная шлюпка и во многих других случаях.

ЗВЕЗДА НА РУБКЕ

Закончилось, бывало, в годы Великой Отечественной войны боевой поход, корабль вернулся на базу с победой, дружка тепло поздравил победителя, и старый боцман немко не уступил чести собственными руками вывести на боевой рубке красную звезду, означающую, что корабль был в морском сражении и одержал победу.

Ничего, что в тот день в центре звезды была написана только единица — первая победа.

— Лиха беда — начало, — скажут моряки, и с тех пор, как на боевой рубке засветил победная красная звезда, они еще сильнее полюбили свой корабль, станут еще больше гордиться им. Любость к кораблю — частице советской Родины — принесит новые победы.

Морской охотник, о котором здесь рассказывался, в боях участвовал. И все-таки на его боевой рубке есть звезда, тощ-тощ такая же, как и на рубках прославленных в боях кораблей. Только в центре звезды выведена не цифра, а буква «Б». Такие звезды появляются на рубках кораблей, завоевавших первенство в боевой подготовке. Их экипажи являются достойными наследниками немеркующей боевой славы советского Военно-Морского Флота.

Обед рыбаков на Капстик.

Александр ГЕВЕЛИНГ

Осень

Уже темно, а время—только восемь.
Шумят деревья: ветрено с утра.
По черным стелам барабанит осень,
По всем приметам, грустная пора.
По всем приметам, грустная пора.
По всем приметам, грустная пора.
Сейчас, когда бедяга-пешеходы
На шагочках торопятся домой,
Оскажет дужки и клянут погоду,
На шагочках вспомнил все, как
Я простоял тебя в первый раз,
Как провожал тебя, как двенадцать было,
Как мы смеялись, как двадцать час,
Как шли до обморожения целый час,
Как дождь хлестал и как мы все шутили,
Как дождь хлестал и как мы все шутили,
Что, видно, нас морозы застали,
Как руши твои морозы застали,
И как я гнал юк,—это ли забыть!
Мы шли и шли, порой ступая в воду,
Нам не хотелось ни за что домой...
С тех пор люблю я осень, непогоди,
Я все люблю, что связано с тобой,
И вот сегодня вижу, как заносит
С утра все небо тучей дождевой,
И все припомни, лязгаво осень,
По всем приметам, лязгаво осень,
По всем приметам, лязгаво осень.

Катя

Рассказ

Рисунки Г. Валахова.

Катя улыбалась во мне, с улыбочкой и прощались. Было уже поздно, солнышек уже подбирался по подушке к самому катинскому носу. Еще бы воробьиный шажок, и раздалось бы громкое «с-п-ш-ш!». Надо вставать, но вставать не хочется.

Катя уже совсем большая, со вчерашнего дня она девятиклассница. Ей нравится быть взрослой, но еще так приятно оставаться немножко ребенком. Она поворачивается лицом к стене, подгибает колени к подбородку и так, свернувшись в клубочек, вспоминает, размышляет, мечтает.

Вчера в это время она ужасно грустила и вопила, а сегодня самая счастливая в мире... Выходит день, вкусный завтрак (с кухни уже проникают многообразные запахи), затем прогулка в лес с мамой и дядей Колей, а вперед! целых восемь дней свободы и удовольствия. Уж она наветрится все то, что отняла у нее в течение лета проклятый перекачанная по геометрии... А потом? Потом школа, девятый класс. У-ух ты! Девятнадцатилетие! Школьные вчерашки, подружки. Да и на уроках не так уж плохо!

Вчера Катя получила на экзамене «четыре», а все диковало. Да, диковало! Радовалась учителя, завуч, директор: «Катя Быховская получила «четыре» по геометрии!» Но особенно восторгалась мама и дядя Коля. Мама позвала в школу из лаборатории и все узнала. Причалась с работы, нежно расцеловала Катю и стала готовить чай с любимым печением Кати и конфетами «Гусиные лапки»... Дядя Коля, поздравляя Катю, по-взрослому пожал ей руку и даже произнес речь — что-то о воле, о продолжении преемственности, о значении науки вообще и геометрии в частности. Смешной! Ну к чему тут мораль, когда в дневнике черным по белому написано: «Переводится в девятый класс!» Смешной, но добрый, очень добрый! Ведь победа Кати была в какой-то мере и победой дяди Коли. Он целое лето после работы занимался с Катей, даже училки свои забрасывал. Поздним вечерами, когда Катя укладывалась в постель, дядя Коля снова садился за учебники, решал задачки, учил ее так давно и все перебрали. Однако на следующий день объявила теоремы очень понятно и даже интересно. Правда, когда Катя была слишком раснервной, дядя Коля потешился, кричал и кричал, называя Катю бессартерной и легкомысленной... Хороший, милый дядя Коля! А почему бы не называть дядю просто папой! — ведь он мамин муж?.. Папа! Отец! Что такое отец?.. Вот мама — это... это... это...

Катя сдвинула брови к переносице, стараясь подкачать нужные слова, но вдруг вздрогнула, обрадовавшись находке, приподняла на локоть широко раскрытые глаза: «Мама — это нежная доросла. А папа? Папа — это величико и сила... Дядя Коля величикоушный. Это к нему подходит. Но... сила...»
— Сиди! — прошептала Катя и рассмеялась, отнегидно представив дядю Колю: «Ася, асегоми мне поднять сидулку», «Ася, давй-ка переднем стою», «Ася, задой форточку, у меня начнется насморк». И дядя Коля, не

ожидая, когда мама исполнит его просьбу, бежит к окну, забирется на стул... Захлопнув форточку, садится за чертежный стол и все скажет, кургузится и шмыгает носом.

Катя задумалась... Она совершенно не помнит своего отца, даже не имеет понятия, как он выглядит. Кажется, он красивый... Мама говорила как-то тебе Тане, что фотографировал Бориса она убрала, так как об этом просил Николай.

Отец живет в Москве, аккуратно посылает деньги, но ничего не пишет, если не считать короткой фразы на почтовых переводах: «Посылаю очередной взнос... Бэ».

Однажды, заинтересовавшись, что же значит это «Бэ», — «Борис» или «Быховский», — Катя спросила маму. Обычно сдержанная и добрая, мама на этот раз вспылила:

— Какое тебе дело до этого?!

Но сразу овладела собой и уже мягко добавила:

— Не надо, Катенька, приставать ко мне с вопросами отсюда и куда не следует совать свой носик.

А на вопрос Кати мама, немного подумав, ответила серьезно:

— Безусловно, это не имя, а фамилия. У нас отношения официальные...

Катя очень редко думала об отце. Что для него отец! Когда Катя начала ходить в детский садик, она с мамой переехала к дяде Коле. «Эта квартира ближе к детсаду», — так объяснила маленькая Кате лодку семьи.

Катя жила безмятежно, получая на все свои «почемучки» простые и убедительные ответы.

...Стука в дверь Кати не слышала. Ее размышления прервал испуганный голос мамы:

— Телеграмма? От кого бы это? Коля, прими телеграмму! У меня руки в тесноте...

Тихо опустив с кровати голые ноги, Катя отлегла чешуя расправившая косяк утюга и, затрав дыхание, с любопытством прислушалась.

Пауза показалась длинной. Но вот потайливо, поприщавшись, хлопнул дверью, и Катя услышала приглушенный голос дяди Коли:

— От него... С чего-то радя изволят пожелать...

Голос мамы — раздраженный и вместе с тем виноватый:

— Я не давала ему никакого повода. Ты же сам отложил знаешь...

Дальше голоса слышалась до такого громкого шепота, что Катя, как на напрягла слух, ничего разобрать не могла.

На кухне и в коридоре поднимался суетня. Катя мигнула накинута домашнее пальтишко и вылетела в комнату, которая была и маминной спальней и столовой.

Мама в старом, запачканном мукой халатике металась между незаправленной кроваткой и раскрытым шифоньером, быстро и вольновольно доказывая что-то дяде Коле.

Дядя Коля сидел на кончике стула и скучно смотрел в окно. Когда вбежала Катя, глаза дяди Коли, грустные и вместе с тем необыкновенно теплые, устремились к Кате.

— Успокойся, Асенька, — тихо сказал дядя Коля, не сводя глаз с Кати, как будто бы при-

зывая ее к себе немой мольбой. И эти глаза сказали девочке все, что она не услышала.

— От кого телеграмма? — требовательно спросила Катя.

Мама молча указала на стол; дядя Коля по двинула Катю желтый телеграфный бляк и снова отвернулась к окну.

«З3 будо проездом Быховский», — прочтала Катя, охваченная острой тревогой.

«Двадцать третьего», — спросила она себя... Да ведь это завтра! Завтра я увижу отца! Катя никогда не думала о возможной встрече с отцом... Каким он? Как он к ней отнесется? Как ей вести себя с ним?... Вопросы один за другим возникли в сознании, не получив ответа, терлись в путанице мыслей.

День потянулся длинный, мурыш, совсем не такой, как рисовала его себе Катя в это утро. Мама, вдруг постаревшая, осунувшаяся, оже-стоженно возмалась с уборкой, с тестом. Но в прибранных комнатах, в румяных сладких булочках не ощущалось привычного праздничного уюта... Дядя Коля, весь слезящийся и замкнутый, сосредоточенно борлся. Руки его дрожали, и он изрядно переусался. Потом он неловко сложился на кровати в поисках кепки и наконец неуклюже, бочком, вышел.

— Лодку прорубь, — сказал он маме.

Катя опять встретилась с его добрым взглядом, потянувшись было к нему, но что-то чуждое и холодное внезапно возникло в ней и остановило порыв. После ухода дяди Коля Катя напряженно и упорно молчала. Хотелось дернуть, плакать, а больше всего спрятать голову в мамных коленях. И мама почувствовала, конечно, что тырилась с дочкой. Села подле Кати на кушетку, горько прильнула, тихоно плача, как перед разлукой.

— Не знаю, Катенька, — говорила мама, — как вы встретитесь, но мне он чужой, неприятный человек... А больше всего жаль Николая. Он, дурочек, не советует до сих пор, что, кроме вас обоим, мне никого на свете не надо... Ты, дочурка, теперь уж сама большая, я не должна, не смею влиять на тебя. Что задумал Борис, твой отец? Неужели он увезет тебя в Москву, к этой... мащечке.

Сасраженная рыданиями, мама выирывалась и добывала не своим, сухим голосом:

— Решай, Катюша, сама, как сердце тебе подскажет...

Обедали поздно, вяло. Мама и дядя Коля были ласковыми и подчеркнуто предупредительными друг к другу, и Катя почувствовала что-то похожее на ревнивую зависть, ожесточалась и старалась настроить себя на «отдельную» от них, новую жизнь в Москве со своим «настоящим» папой.

Вечером мама сказала грустной и совсем расклевневшей Кате:

— Постарайся пораньше уснуть, мой дочка. Твой отец, наверно, появится рано утром.

У себя в комнате Катя дала волю слезам. Мысли о возможном расставании с такими дорогими, родными мамой и дядей Колей терзали ей сердце, и вместе с тем воображением рисовались заманчивые картины перемены жизни: Москва, театры, новые подружки... Катя представляла, как с одной из них, самой задум-

швейи, она придет на канюки дядю. Дядю И с мыслью о любимом доме, который ей совсем не хотелось покидать, Катя уснула, уткнув морское лицо в подушку. Она не слышала, как вошла к ней мама, полная тревоги за завтрашний день, как дядя Коля тихою ушел маму.

Это тревожное «завтра» началось влостным стуком в дверь, торчавшим шарканьем комнатных туфель, скрипом засова и, наконец, звуком баритона:

— Квартира Шурупкиных? Если не ошибаюсь, Николай Петрович? Простите... Андреевич... Николай Андреевич... Очень приятно... Быковский... Аси! Весма рад... Вы извините, Николай Андреевич... извините, что по старой памяти я так назвал Анастасию Иванову... Пропу что-то неожиданной приезд. Как это говорится?... Незваный гость и прочее... Ничего, ничего! Понимаю, все понимаю... ранний час... и все это естественно... закрываю глаза. Очень хотелось видеть Катю. Также вот удачное стечение обстоятельств: командировка... и здесь пауза между поездками... Катюша, надеюсь, дома?

Катя мгновенно проснулась, она ни слова не слышала из того, что говорил дядя, что отвечала маме, — ее слухом безраздельно завладела волнующая баритон отца. Она быстро оделась, кое-как причислась и оценила посреди комнаты... казалось, сердце остановилось и перестало отсчитывать секунды.

Дверь распахнулась, и... Катя никогда не забудет этой картины: дядя Коля что-то делал бермота, прижавшись к вешке спиной; мама, деланно улыбаясь, кивала головой. Было в этой фальшивой, неумелой игре столько смешного и столько жалкого, унизительного, что Катя затрепетала и разрыдалась и расхохоталась... Она стиснула зубы: «Что угодно, только бы не разговаривать!»

В это время дверную раму заполнила массивная фигура мужичиного в голубовато-сером костюме.

Мысленно Катя ахнула:

«О господи! Катя ни на миг не похотела»

Все: и волнистые сморщительно-черные отгнива волосы, и смуглый румянец во всю щеку, и яркие шнуровые губы четко очерченного рта, и плотный ряд белых зубов, чуть-чуть приоткрываемых осторожной улыбкой, и даже в этой улыбке легкое вздрагивание правого уголка рта — все это Катя ежедневно видела в зеркале.

Рядом с невольником, таким будничным дядей Колей и очень бедной, усталой мамой отец выглядел молодым, ярким, мучимым.

— Здравствуй, Катюша! — Отец шагнул к ней, взял в ладони ее лицо и осторожно прикоснулся губами к ее губу.

Чужой, но приятный апаан дорогих душой и папиром одурявшая Катю: как будто что-то сильное, покоряющее вливалось в нее, и одновременно с этим она терла силы.

Отец отдалил лицо Катю, внимательно, изучающе осмотрел и удовлетворенно воскликнул:

— А ты, Катюша, ба-альшущая и... красавица!

«Ты тоже красивый, а ведь ты... я лежюка на тебе!», — ответила Катя про себя, но вслух смогла только выдвигать:

— Вы надолго к нам приехали? И окончательно смутнался, даже по спине холодок прошел, а потом стало невыносимо жарко. — Я проездом, Катюша... Ты сидь, дотура... Опустив руки на плечи Катю, отец осторожно усадил ее на стул и, легко подвинув тугое кресло, сел сам. — Говори мне «ты», дорожка!

— Вскоре вошла мама в своем выходном крещенном платье и перодедет, подтнутый дядя Коля. Но и в таком парадном виде они выглядели серенькими и старомодными рядом с величественным катюшиным папой. За утренним часом разговор не клеился. Роль радужных хозев мама и дяде Коле явно не удавалась.

Сразу после чая Борис Демидович извзял жилище прогуливается с дочерью. Николай Андреевич тогда молча взглянул на Катю. Анастасия Ивановна, казалось, приняла это предложение с чувством облегчения. Катя побежала к себе в комнату и переселась в шерстяную форму и белый фартук: пусть жарко, но зато так идет и ней.

— Они шли по городу, залитому ослепительно-оранжевым августовским солнцем и ароматом переполнявших газон цветов.

Катя стеснялась отца, но ей было необходимо хароис: отцовский пометуей все еще горел на губу, и нужно было беречь его от шального ветра, готового сорвать это ощущение и увести в поля, туда, за железнодорожное полотно.

Папа, легко и крупно шагая, хвастливо рассказывал о Москве, посмеиваясь над «провинциальным» городом, где он не был «целую вечность». Катя, подпрыгивая, забегала немного вперед, заглядывала отцу в лицо, ловила каждое его слово. Ей хотелось столько сказать ему о себе, о последнем экзамене, но папа все говорил, говорил увлеченно, сопровождая слова свободными жестами.

«Все знакомым Катя громко кричала: «Здравствуй!» И это ликующее приветствие звучало так: «Смотрите, какой у меня папа! Хорош? Да?»

Когда вышли за город, папа крепко сжал катюшу руку в своей крупной ладони, по-мальчишески крикнул: «А ну, бегом, Катюша!» — и

молодецки избежал на железнодорожную насыпь. Катя еле поспевала за ним и от всей души хохотала...

По шпалам они снова шли под руку. В синем небе проплыла облака, солнце румянилось и золотило их, но они стидливо сторонились, улыбаясь из-под солнечных лучей, бледнели, гонимы...

Из основного леса, что тянулся по берегу реки, вышел поезд и стал быстро приближаться. Папа резким движением повернул Катю и, увлекая ее за собой, быстро побежал с насыпи. Катя было стидно мчалась, почти летела с кручи, но она чувствовала подхватывая ее горячую руку — надежную опору — и смело прыгала, обгоняя обрушенные с насыпи камушки. Поезд прогрохотал поезд.

Прыгая и смеясь, они добегали до дуэлки, окруженной молодым осинником. В зелени осинника, точно редкие яблоки, крутились кое-где пушистые листья; для них уже закончилось лето. Здесь решили отдохнуть.

Отец, раскрасневшийся и немного вспешивший от бега, снял шапку и, оставившись в шелковой голубой тельняшке, показался Катя совсем молодым.

— Хорошо жить, Катюша? — спросил он, усаживая ее на брошенный пиджак.

— Хорошо! — с наивной простотой ответила Катя. — Сегодня особенно хорошо... с тобой. А так бывает и скучно, неприятно всякне...

— Да-а,— глубокомысленно протянул отец. — Ограниченные, неинтересные люди окружают тебя.

В эти слова, в тоне, каким они были сказаны, Катя почувствовала что-то странно обидное, оскорбляющее маму и дядю Колю, и ужасно несправедливое, но она поддалась в себе это чувство и, набравшись храбрости, спросила отца:

— Папа, а ты возьмешь меня в Москву? Ты приехал за мной, да?

Облака соединились в маленькую тучку, закрыли солнце, и шелковая тельняшка сразу посерела, и вместе с ней вдруг погас, потемнел отец.

— Катя,— глухо сказал он,— этого нельзя сделать. Ты еще ничего не понимаешь. Подрастешь — узнаешь.

Поду вертелось, сердито захлопнула листья на осинку, осознание лопавшей занавеса занавеса, на носу, сорвалось с дерева и упал на белый передник розовый листок. Разрывая его по жилим, Катя слушала отца, но ничего не понимала.

«А зачем тогда он приехал? — думала она. — Не на было только приехать?»

С ожесточением отрывая розовые кусочки от листка и кидая их в траву, она с горьким сожалением твердила: «Зачем? Зачем?»

Это слово назойливо звенело у нее в голове, а где-то далеко-далеко гудела баритон отца, гудел о каких-то обстоятельствах, которые виноваты во всем, и среди этих обстоятельств оказались и мама, и дядя Коля, и еще Леня...

Леня — папина жена. Он называл ее по-детски «Леночка», для отца молодая, изысканная, красивая и не любит его родственником, значит, не полюбил и Катю.

— В жизни, как в театре, на каждом шагу трагедия и драмы, драмы и трагедии... закончил отец на высоких нотах.

Он деловито встал, подошел к осинке, зажал в кулак ветку, потянул ее на себя и поднес к носу темнелемелые с байковой сероватой подкладкой личотки; похлопал, сморщился и бросил листья под ноги... Помочил и уже совершенно спокойно обратился к Катя:

— Иди. Ты, вероятно, проголодалась, пора поесть.

Катя совсем не хотелось есть, но и лукажить больше не привлекала ее. Легко вскочила на ноги, она быстро побежала к насыпи.

Отец на ходу вдевал пиджак, ссылая большими шагами в сторону Катю как будто потерялось там, на дуэлке, среди осин.

В тород возвращались молча. Катя временами оглядывалась, и удаляющиеся от них осинники, трещи зеленую окраску, все более синели и темнели. И то чудесное настроение, которое еще недавно вдало Катю как будто потерялось там, на дуэлке, среди осин.

Отец шел немного вперед. Часто курил. Достав последнюю папиросу, он бросил коробку на откос.

— Папа! — крикнула Катя. — Зачем ты ее выбросил? Она такая красивая.

Катя кинулась, чтобы поднять коробку, но на полу остались лишь вчерашние крошки.

Отец расхохотался.

— Катюшка, да ты совсем еще ребенок! Плюнь ты на эту дрянь.

Зардевшись до слез, Катя попыталась оправдаться:

— Ведь я не играт... Я на память о нашей сегодняшней прогулке...

— Идем, идем, моя девочка, — сказал сквозь смех отец. — На память мы найдем что-нибудь поинтереснее.

Катя медленно выскользнула из-за тучки солнца, и когда оно засияло во всю силу, Катя попросила отца:

— Расскажи, что ты видел в столичных театрах... Ну хотя бы на МХАТе. Я очень люблю слушать по радио спектакли, особенно чеховские.

Услышав о Чехове, о спектаклях, отец немного растерялся, но тотчас подтянулся и снисходительно ответил:

— Доченька, я так много видел, что всего не расскажешь. Знание, все перепуталось в голове. Во всех спектаклях играют одни и те же актеры. Ну, конечно, шикарные декорации, изумительные костюмы...

Он запнулся, помолчал и стал рассказывать о всевозможных развлечениях, о парадных прогулках по Воле, о красоте южных курортов.

Но эти рассказы не вызвали в Кате восхищения. Где-то далеко-далеко в сознании было неприятное ощущение чего-то несправедливого.

За горлом было просторно и тихо-тихо, как в классе во время контрольной. В это торжественное безмолвие отец бросал красивые слова, и они сразу погасали в тишине, как клубочки папиросного дыма необъятной синевой просторов.

Отец говорил о Москве, но эта панорама Москвы несколько не походила на ту, о которой Катя знала из книг, из рассказов учителей, из бесед с дядей Колей.

...Наконец добрался до города и зашли в ресторан. Катя с восхищением оглядывала, как ей казалось, «шикарный» ресторан, в который попала впервые. Здесь, на фоне застывающей аними и взами буфетной стойки, белых скатертей, накрамленных салфеток и вежливых официантов, хлопотавших за их столами, папавшая обрел чуждое обаяние, свой своеобразный вид и наполнила сердце девочкой ложной гордостью. Катя жадно смотрела на отца, старательно красиво держа вилку, немного жеманясь, а затем заломив выпшла стаканчик вина. Ев стало беспринципно весело, она слышала громко хохотала, но глубоко, в тайниках души, навязчиво и отчетливо звучал все тот же вопрос: «Зачем?»

— Катюша, ты часто обо мне думала? — спросил отец, когда они вышли из ресторана.

Катя хотела сказать, чтобы не обидеть отца, но она сказала правду:

— Нет, редко... Очень редко, почти никогда. Ведь я не знала тебя... А вот сейчас буду вспоминать.

— Я тебе подарю такую вещь, которая постоянно каждую минуту будет напоминать тебе обо мне... С этими словами он подхватил Катю под локоть, ввел ее в универсам, а отцом ювелирных изделий. За стеклом витрины на бархате футляра покоились часы-брасет — давнишняя мечта Кати.

— Папа, купи мне вот эти часы! — воскликнула Катя.

— Эти? — переспросил он, ткнув пальцем в стекло, и пошел в задний карман брюк, вытащив бумажник, повертел его в руках, взглянув внутрь. — А может быть, вот эти?

— Мне все равно, — прошептала Катя.

— Прекрасно! — повеселел отец. — Скоромность украшает человека. Не все то золото, что блестит.

Он быстро сходил в кассу, сам надел часы на руку Кате, больно стиснув запястье жестким ремешком.

Теперь Катя сжимкутливо смотрела на часы. Стрелки двигались медленно, а время делало быстро, быстро...

Перед тем как отправиться на вокзал, зашли домой: папа, по правилам приличия, как говорил он, должен был проститься с мамой и

Николаем Андреевичем. Он отказался пройти в комнату, прошлись в коридоре.

— Очень приятители вам! — говорил, прощаясь, Борис Демидов. — Соседская прогудка напомнила мне далекую юность...

Николай Андреевич при этих словах болезненно поморщился, Анастасия Ивановна опустила глаза и покраснела: самолюбивая болезненность первого мужа своим больно ранила.

Уже шагнув через порог, отец повернулся и решительно проборитонил:

— Да! Чуть было не забыл... Очередного взноса не будет... Сумма почти целиком у Кати на руке... Он скажет Катю за руку и, показывая часам Анастасии Ивановне, добавил: —

Виноват... Но ничего не сделаешь. Отцовское чувство...

Дверь захлопнулась. Кате отчаянно захотелось вернуться, но она вспомнила за отцом, торжолливо обещавшим на лестнице...

...В шумной сутолоке вокзала Катя почувствовала себя одинокой и заброшенной.

Плюка отходила в билетную кассу и камеру хранения, Катя стояла на перроне, безучастно наблюдая, как по верхним колесам леса, расклиннувшегося от города до горизонта, бродили, меняясь местами, свиновые и бронзовые пятки. Катя думала об отце и надеялась, что в последнюю минуту он скажет ей что-то важное, хорошее...

Отец появился на перроне с чемоданом. Он выглядел рассеянным и равнодушным, этот чужой пассажир, нетерпеливо выстраивающийся, не идет ли уже поезд.

На прощание так же, как утром, он поцеловал Катю в лоб.

...И вот Катя осталась одна. Совершенно одна. Неудержимо потянуло домой, но смешанное чувство боли, разочарования, стыда за свое такое откровенное посещение укромные складские полок, покоем на предельство по отношению к тем, оставшимся дома чудесным людям охватило ее. И долго, до полной темноты, бродила по городу девочка в корячьей форме с белым фартуком... И думалось ей, что у нее никого нет ни папы, ни мамы, ни дяди Коли. Никого! Это очень страшно и очень горько, когда вокруг никого нет.

Незаметно для себя Катя забрела в парк, в свой любимый уголок, на скамейку у самой изгородвицы черные жутки кос.

Ни шороха листьев, ни далекий голос гуляющих, ни музыки, доносящейся с танцплощадки, ни тикающих часов на руке, ничего, кроме тревожного стука своего сердца, не слышала Катя.

Сквозь зеленые березы претягивались огоньками мерцал город. Где-то там был и огонек ее уютной дневней комнаты, но Катя не искала глазами этого огонька. В ее сердце было, как поймавшая птицу, расслабляющее чувство обиды. Кто нанес ее? Кто допустил по отношению к ней такую несправедливость?

Катя все еще не могла понять.

Набжевающие тучи все ниже и ниже спускались над парком, накрамывал мелкий дождь, и Кате казалось, что лето пропало, что детство кончилось, что она никогда больше не свернется калачиком, колени и подбородку, под одеялом, что...

Присев на кончик скамейки, склонив голову, она сквозь слезы различала на белом титне передника колеблющиеся тени ветвей березы и неподвижные черные жутки кос.

Она заплакала беззвучно. Чужими, бесчеловечными лежали на коленях руки, и им было все равно: горькие ли слезы падали на них в длинные ресницы, или холодные дождевые капли скатывались с их пальцев.

— Здесь и нашел востроженный и обрадованный Николай Андреевич свою Катю.

— Катя! Почему ты здесь? Почему ты не идешь домой?

Катя ничего не ответила. Она хорошо знала, что дядя Коля не требует ответа. Ему все понятно, он все поймет и без слов.

Девочка покоро встала со скамьи. Они шли, каждый по-своему готовясь к большому, откровенному разговору.

Редкие, но разбавленные капли дождя шепотом отгатыли лоб Кате. Стрелы ледяной дождевые капли, она сматнула и слабый след отцовского поцелуя, но часы зацепились за волосы, напомнили о себе. Катя вздрогнула, сорвала с руки часы и крепко зажала их в кулак. Ладонь сразу неприятно вспотела, появилась желание идти далеко-далеко зарпять или совсем выбросить отцовский подарок.

Дядя Коля шагал неукрпно, без размаха, но твердо и уверенно.

Неожиданно Катя вспомнила свое определение: «Дядя Коля — это веселюкшудшине и сила» — и обогченно улыбнулась.

г. Каменск-Уральский.

Федор ШИРШОВ

Два стихотворения

ПРИЗНАНИЕ

Оставайся, выбирай любое:
Снежный чум или сосновый бот,
Берег с дельфинами морским прибоем,
Где раз в год бывает самолет,
Санкт-пурги, ностер в лесной долине,
Мшанне, где ирисовые цветы
Да носматых маянотных останки
В буров слое вечной мерзлоты...
Оставайся, заводь гнздовань —
Дом построя, огарь отведу,
Если приквоничен — от наголовья
Твоего на шде не отойду.
...Золотых и гор не общую,
Розового счастья не сую,
Но поморской славою ручности:
Все с тобой навеки раздую.

В ДОРОГЕ

На углах пофырывает чайник,
Тянет сладкий дымок от ностры.
...Бумажники стратривать, начинать,
В путь-дорогу дальнюю пора...
...Иногда выбирать маршрут нечестно!
Ищешь плодом в парадеросном саду?
Развернула, в славень, литье плечи,
Е с тобой во походе дождю,
Растолку ледяные торосы,
Разгосно селесе обмань,
И я аними маинстве угресе
Для тебя одену на вича...
Улыбайся! Снег завет не вяр,
Фантатером ты зовешь меня,
Ну и пусть твоя я в самом деле —
Не былай дурезок без огни.

г. Архангельск.

Н. КРУГЛОВ

НА ЦЕЙЛОНЕ

(Путевые заметки)

Цейлон нередко называют жемчужиной Востока. И действительно, этот небольшой остров по богатству и разнообразию животного и растительного мира, по красоте гор, рек и долин, по исключительно благоприятным климатическим условиям — один из наиболее замечательных уголков нашей планеты.

В отличие от других островов, на которые нельзя попасть иначе, как только по воде или по воздуху, на Цейлон можно приехать также и поездом. Между индийским городом Дханушкоти, где оканчивается Южно-Индийская железная дорога, и цейлонским городком Талайманнар, расположенным на северо-западном побережье Цейлона, регулярно курсирует паром, который перевозит пассажиров из Индии на Цейлон и обратно. Ширина пролива в этом месте не превышает 30 километров.

ГОРОД КонтРАСТОВ

Для того, чтобы сэкономить время, мы на Цейлон поехали самолетом. На аэродроме Рагмалая нам довелось увидеть самолеты

американской, английской и индийской компаний, но ни одного цейлонского. Позднее мы узнали, что более года назад компания «Айр Цейлон» из-за сильной конкуренции более мощных американских и английских монополий была вынуждена прекратить свою деятельность на международных воздушных линиях.

Быстро проехав на машине пятнадцатикилометровое расстояние, отделившее аэродром от города, мы прибыли в Коломбо.

Для столицы Цейлона характерны контрасты. Они сразу же бросаются в глаза. Рядом с высканной роскошью здесь уживается ничем не прикрытая нищета.

В центральной, деловой части города и около торгового порта расположены кварталы многоэтажных, европейского типа домов, в которых находится конторы иностранных банков, компаний и фирм. Здесь много отелей, магазинов, ресторанов, памятник юриспруденции генерал-губернатора...

Северная, утопающая в зелени часть города — район роскошных особняков иностранной и местной

знати, различных клубов, площадок для спортивных игр.

Большая и лучшая часть города занята иностранцами или предоставлена им. Надо сказать, что они чувствуют себя в Коломбо настоящими хозяевами. Подвлажное большинству коренных жителей города, трудной труд, живет в юго-восточной части города. Здесь узкие, грязные улицы, одностороннее убогие жилища, в которых в невероятной тесноте живут семьи рабочих и ремесленников. В этом районе множество мелких лавочек, торгующих разнообразной смесью дешевых товаров — от бананов до бросовых импортных безделушек.

На улицах часто попадаются рикши. Но многие из них стоят у тротуаров без работы.

О господстве на Цейлоне иностранного капитала свидетельствует нависшая реклама различных фирм, буквально нависшая над Коломбо. Это плакаты, образцы товаров, светящиеся надписи. Однажды мы увидели даже человека-рекламу. Посередине улицы

Бездомная женщина со своим маленьким сорбмом на одной из улиц Канди. Обычный сюжет виажи и безработных на Цейлоне.

на высоких ходулях в ярком костюме клоуна шел человек, держа в руках плакат: «Получите бездомному компании «Калтес»!!! Цены снижены!!!»

Без умолку кричащая реклама свидетельствует также о значительном упадке торговли. Несколько месяцев назад газета «Таймс оф Цейлон» вынуждена была признать, что «в течение последних 15 месяцев индекс внешней торговли Цейлона упал с 123 до 60 пунктов (за 100 принят уровень 1934—1938 годов)».

Американские империалисты, пытаясь организовать блокаду Китайской Народной Республики, нарушили нормальные торговые связи между странами Юго-Восточной Азии и Китаем. Цейлон пострадал от американской блокады сильнее других стран. В 1952 году он стоит перед угрозой голода, так как США отказались покупать цейлонский каучук по обещанным, справедливым ценам. Поэтому не представлялось возможным приобрести рис и обеспечить этим пережившим продуктом питания 8 миллионов цейлонского населения.

Только великодушная помощь Китая спасла тогда Цейлон от неминуемого голода. В том же году между этими странами было заключено торговое соглашение о поставках Цейлону китайского риса в обмен на цейлонский каучук. Однако на пути дальнейшего расширения торговли между Цейлоном и странами демократического лагеря стоит американские монополии. Они используют всевозможные средства давления, не останавливаясь даже перед угрозами применения репрессивных мер, чтобы принудить Цейлон не торговать со странами народной демократии.

КАНДИ

От Коломбо до города Канди немного больше 100 километров. Вначале дорога идет вдоль рисовых полей прибрежной части острова, но вскоре она поворачивает на северо-восток и начинает подниматься в горы. Перед нами возникает изумительное по красоте картины цейлонской природы.

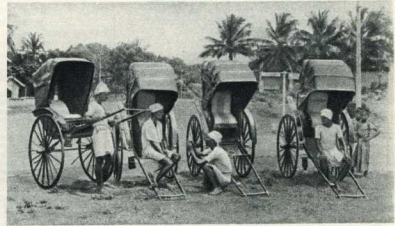
Дорога делает крутые повороты, вывряя то и дело в тоннели, пересекая горные реки и ущелья. Параллельно автомобильному шоссе тянется железнодорожная линия Коломбо — Канди.

Часто мелькают расположенные вдоль дороги населенные пункты, небольшие деревушки, отдельные хатки.

Крестьянские хатки очень примитивны по своему устройству. Стены выложены из камня и обмазаны глиной. Огни, как правило, не застеклены, дырчатые, есть только деревянные проемы. Печей в домах тоже нет; жилище служит только для того, чтобы укрыться от палящих лучей солнца или от проливных дождей; мебель почти отсутствует. Низкие топчаны, заменяющие кровати, не-

Аллея пальм в Парадении.

Большую часть дня рикши стоят без работы. Цейлонцы не в состоянии пользоваться даже этим дешевым видом транспорта.

сколько чурбаков вместо ступей, низенький столик — вот и вся обстановка. Жилая комната и помещение для скота находятся под одной крышей.

Канди расположено почти в центре Цейлона, среди гор, покрытых богатой тропической растительностью. В прошлом это была столица сингалеского королевства, а теперь Канди — небольшой городок, ставшийся хорошим климатом и прекрасными видами природы, привлекающими сюда массу туристов.

Улицы города — сплошной базар. Магазины, лавки, лавочки нечеловечески много. Если продавец не имеет помещения, он устраивается со своим товаром прямо на тротуаре.

За исключением чая, фруктов, каучуковой обуви и небольшого ассортимента безделушек из дерева, кости и серебра, изготавлива-

учебный центр, где проходят семилетний курс обучения молодые монахи, инициированные миссионерами ордена в различных странах Юго-Восточной Азии. После обучения новопосвященные миссионеры направляются в страны Востока, чтобы ревностно проводить там реакционную политику Ватикана.

Монастыри на Цейлоне владеют большими земельными площадями, имеют плантации и получают немалые доходы от эксплуатации своих владений. Но еще большие доходы приносят им подаяния верующих.

В УНИВЕРСИТЕТЕ

Недалеко от Канди, в местечке Парадения, находится единственный на Цейлоне университет. До недавнего времени он помещался в Коломбо. Но стремясь избавиться

Город Канди. Храм «Зуба Будды».

подаяние велется на английском языке, по английским учебникам. Как курьез можно отметить, что на педагогическом факультете среди иностранных языков, изучаемых студентами, значится и... сингалесский, то есть родной язык коренного цейлонского населения!

Трудно цейлонскому юноше или девушке из небогатой семьи получить высшее образование. Но еще труднее по окончании университета найти работу по специальности. А где ее найдешь, если на Цейлоне почти нет никакой промышленности.

Выпускники университета стремятся устроиться на работу в государственной аппарат, но попадают туда лишь единицы. Невостребованные становятся клерками в конторах частных компаний и фирм, а основная масса вынуждена перебиваться случайным заработком, постепенно теряя полученные в университете знания. Хорошо, если удастся устроиться продавцом в магазине, кондуктором на железной дороге или официантом в ресторане. Но и такая работа находится лишь для немногих.

Студенты активно участвуют в политической жизни страны. Они в курсе всех политических событий, проявляют живой интерес к вопросам международной политики. Цейлонское студенчество вместе с профсоюзами и прогрессивными общественными организациями принимает деятельное участие в борьбе за мир.

ПОЕЗДКА В АНУРАДЖАПУРУ

В яркий солнечный день мы выехали на автобусе в Анураджу, расположенную в 140 километрах к северу от Канди. Дорога

протягала вдоль горной гряды, среди вечнозеленой тропической растительности, шла через мосты над быстрыми, горными речками.

В одной из рек, течение которой было более спокойным, мы увидели купающихся слонов. Поодаль на берегу сидел погонщик. Жители Цейлона используют слонов на лесоразработках, на корчевке пней и даже на полевых работах.

На одном из поворотов дороги мы обратили внимание на группу рабочих, ковырявших кирками скалу и разбивавших вручную большие гранитные глыбы на щебень. Из разговора с этими людьми выяснилось, что они в течение долгого времени были безработными. Только после настоящих требований общественности правительство вынуждено было временно предоставить им работу по ремонту старых и прокладке новых шоссе-я дорог. За свой тяжелый, поистине каторжный труд камешники-молотобойки получают мизерную плату.

Нас удивило полное отсутствие механизации труда на каменистом. На вопрос о причинах этого нам ответили, что рабочие сами просят не применять машины и аппаратуры, так как тогда пришлось бы многим уволиться.

После извилистых горных поворотов дорога наконец вырвалась на равнину. Чаше стала встречаться плантация чая, кокосовых пальм, каучуковых деревьев. Судя по названиям плантаций, владельцами их преимущественно являются англичане. Плантации, как правило, оборудованы колесной трополовкой. О том, какие порядки царят там, за проволочкой, можно судить по короткому, но выразительному предупреждению, которое мы увидели на воротах одной

Крестьяне, избегающие от нестерпимого зноя, собирают урожай риса. Серп — единственное сельскохозяйственное орудие, которым они пользуются во время жатвы.

мих местными кустиками, поляки магазинов заполнены импортными товарами, преимущественно американскими, английскими и японскими.

Между капиталистами Англии и США идет острая конкуренция за захват цейлонского рынка. Особенно острый характер носит борьба за сбыт нефтепродуктов. На автомобильных дорогах Цейлона еще 5—6 лет назад можно было встретить бензопомпы одного только английского концерна «Шельв», а теперь с этим концерном здесь соперничает американская нефтяная монополия «Экзалтек».

Небезинтересно отметить, что «Экзалтек» строит свои колонии, как правило, рядом с колониями «Шельва», как бы бросаая этим дерзкий вызов своему конкуренту.

Канди — религиозный центр на Цейлоне. Здесь находится главный буддийский храм, где хранится «Зуб Будды» — самая почитаемая реликвия цейлонских буддистов. На улицах города часто встречается буддийские монахи в желтых тогах, с обнаженными правым плечом.

В этом городе свил себе гнездо и орден иезуитов. Он имеет свой

столицу от студенчества, среди которого господствуют прогрессивные настроения, власти построили новое здание университета в провинциальной галереи. Регистры багетистки порядка надеялись, что этим им удастся выключить студентов из политической жизни...

Буржуазная пресса утверждает, что обучение в университете бесплатное. Но это неверно. Вот как обстоит дело в действительности. Чтобы закрыть школу в университете для детей малоимущих слоев населения, установлен такой порядок, при котором студент обязан жить в университетском общежитии и питаться в университетской столовой. А это обходится очень дорого — 80 рупий в месяц. Кроме того, нужно покупать учебники, тетради и другие необходимые принадлежности. Ино, что такие расходы не по плечу детям рабочих и мелких служащих, а особенно крестьян. Учиться же в университете, не пользуясь университетскими общежитием и столовой, не разрешается.

Университет имеет три факультета: технический, медицинский и педагогический. Профессорско-преподавательский состав в основном комплектуется из англичан. Пре-

В таких жилищных живут трудящиеся Цейлона.

из плантаций: «Не входите! Стреляют!»

Есть плантации, принадлежащие не богатым цейлонцам, помещикам и капиталистам. Однако их гораздо меньше, и доход от них по сравнению с прибылями, которые выкачивают на Цейлоне английские колонизаторы, не так велик.

Проезжаем мимо скошенного рисового поля. Урожай собран, идет обмолот. Молотят рис самым примитивным способом: по разостланным на траву снодам гоняют буйволка. Цейлонские крестьяне не знают машин, не применяют удобрений.

Когда-то, в древности, в Анурадхаву была резиденция одного из могущественных правителей Цейлона. Здесь сохранилось много памятников того времени, дворцы, бассейны, храмы, усыпальницы. Они свидетельствуют о высокой культуре древнего Цейлона.

«Заклинатель» змей.

В Анурадхаву находится самая большая на Цейлоне дамба, или, иначе, ступа, высотой в 140 метров. Это — массивное сооружение из камня и кирпича в виде перпендикуляра кувала с острыми шпильми. В дни религиозных праздников сюда, к дамбе Анурадхаву, стекаются тысячи буддистов со всех концов Цейлона.

Каждо вторым мы возвращаемся к Канди. Наместру нам часто попадались своеобразно одетые жители острова. Мужчины носят не брюки, а нечто вроде юбок из дешевой белой хлопчатобумажной материи. У тех, кто богатее, есть и рубашка и на ногах sandals. Женщины носят сари: это длинный, в 5—6 метров кусок яркой ткани, обернутый несколько раз вокруг тела. Короткая, туго облегающая фигуру юфточка завершает их наряд.

Купание слонов в реке Катугастота.

Ничета цейлонского народа как жется несомненно с богатыми природными ресурсами и исключительно благоприятными климатическими условиями острова, который целиком находится в тропическом поясе. Здесь круглый год лето. В самый «холодный» месяц, а в январе, средняя дневная температура не бывает ниже +30°C. Обильно тепло, влаги и солнечных лучей способствует развитию пышной растительности.

Тропический климат позволяет собирать ежегодно три урожая риса и других зерновых культур. Здесь в одно и то же время можно наблюдать созревание на одних полях, созревание его на других и уборку урожая на третьих.

Большие площади занимают плантации каучуковых деревьев, кокосовых пальм, чая. Разводятся также цитрусовые, абрикосы, манго, кофейные деревья, перец и другие южные культуры.

Несмотря на все эти щедрые дары природы, нищета в голод выливается простыми средствами трудолюбивого народа Цейлона. Объясняется это тем, что иностранные капиталисты, захватившие огромные массы плодородных земель, вывозят отсюда в больших количествах разнообразное ценное сырье, неадекватно эксплуатируют и грабят цейлонцев.

Однако усиления национально-освободительной борьбы, английское правительство в 1948 году предоставило Цейлону статус доминиона — самоуправляющейся колонии. Однако от перемены выскочило существо колониальной зависимости Цейлона не изменилось.

Буржуазно-помещичьи круги Цейлона широко раскрывают двери для иностранного капитала, рассчитывая, что и им кое-что перепадет от эксплуатации природных ресурсов страны завоевательскими монополистами. Но народ Цейлона видит выход из нищеты и нужды в избавлении от пут иностранной колониальной эксплуатации, в установлении нормальных торговых отношений со всеми другими странами на основе равноправия и взаимной выгоды.

Интерес цейлонцев к Советскому Союзу необычайно велик. Каждый слух о жизни в СССР, о великом созидательном труде советского народа воспринимается трудовым людом с огромным вниманием.

Полгода Цейлон, мы увозили с собой воспоминание этим изумительным по красоте островом и его замечательным народом.

Фото Р. Федорова.

ИГРАЮТ ДВОРОВЫЕ КОМАНДЫ

На рекламных щитах Москвы новая афиша выглядела обычной. Еще издали прохожий бросался в глаза волнующее слово «Футбол», напечатанное крупными буквами. Чуть ниже перечислялись игровые команды «Авангард» — «Взрыв». У кого-то возникли бы сомнения.

— «Взрыв»? А что не слышали о такой команде! — пожимали они плечами.

Действительно, такой команды любители футбола могли и не знать. Команда «Взрыв», созданная в Кировском районе города Москвы, имела всего три месяца спортивного стажа, и первые игры она провела не на центральном стадионе «Динамо», как, например, свою последнюю встречу с «Авангардом», а на дворовых и школьных спортивных площадках. Именно с таких площадок начали свой спортивный путь больше четырехсот дворовых и уличных команд. Так же, как и «Взрыв», они организовались лишь этим летом и, соревнуясь между собой, впервые сделали удар по настоящему футболному мячу.

«Составление уличных футболистов проводился и раньше. Жители окраин помнят так называемые «дикие» команды, носившие самые необычайные наименования. Были и «Синие стрельы», и «Грозы», и «Зорька», и «Чайка». Эти команды играли обычно где-нибудь на пустыре, обозначив ворота двумя кирпичными или кирпичными сложной одежды. Юных футболистов не смущало то обстоятельство, что некоторые играли в одном ботинке, а иные гоняли мяч и просто босиком. Не смущало и то, что счет нередко достигал двузначной цифры. Игры длились по три—четыре часа. Судили сами же игроки. Они кол-

лективно решали, была подожжена или нет, нуно ли назначить штрафной удар. По-серьезному с ребятами никто не занимался...

И вдруг этим летом все изменилось. На дворовые и уличные

Этот кубок — приз, учрежденный Московским городским комитетом ВЛКСМ для дворовых и уличных футбольных команд — выиграла команда «Взрыв».

площадки пришли тренеры и инструкторы-общественники. От них ребята узнали, что Московский городской комитет ВЛКСМ взял шефство над дворовыми и уличными командами и учредил кубок по футболу, в розыгрыше которого может участвовать команда любого двора, любой улицы.

Эта новость взбудоражила ребят. Начали создаваться команды, все чаще стали проводиться тренировки. И даже упрямцами, которые ребята считали самыми непримиримыми врагами мяча, упрямцами, которые были твер-

до убеждены в том, что футбол выдуман для выбивания стекол, на этот раз подорвали, трогательно заботились о форме для игроков своего двора. Теперь ведь совсем другое дело: ребята собирались не озорничать, а защищать спортивную честь домоуправления. А у самих ребят возникло много чрезвычайно важных вопросов. Как, например, назвать свою команду? Уж очень не солидно звучало: команда такой-то улицы. То ли дело, скажем, «Святая» или «Роза». Порой разгорались страстные споры. Там было и у ребят с Дербиванской улицы. Они долго спорили, пока один из них не вспомнил кинофильм «Команда с нашей улицы», и по примеру героев этой картины ребята назвали свою команду «Взрыв».

В середине лета 400 дворовых и уличных команд вступили в борьбу за кубок.

спорта Н. Маслов объясняли ребятам их ошибки, советовали, как тактически правильно играть с тем или другим противником. Уже первые игры показали, что в дворовых и уличных командах есть много способных мальчишек. Играли они с хорошим спортивным азартом, с упорством и завидной волей к победе, чего так не хватает иногда нашим мастерам!

Игра команд «Авангард» (Первомайский район) и «Взрыв» (Кировский район) в финале кубка ИГК ВЛКСМ привлекла к себе внимание не только юных болельщиков. Среди зрителей было много и опытных мастеров игры с интересом наблюдавших игру своей подрастающей сменой.

Стройными цепочками выбежали юные футболисты на центр поля. Ребята вовлелись, понимая ответственность момента. Они то и дело поглядывали на стол, на

ю «Звезды» Владимиру Махову пришлось вынуть мяч из сетки. Но это не смутило ореховоузвечев. Очень скоро счет стал 1:1. И снова молодежь продемонстрировала волю к победе. На футбольном поле до самой последней минуты игры шла острая борьба. Насколько она была упорной, лучше всего говорит

области были вовлечены в спортивную борьбу. Пусть были кое-какие упущения в организации соревнований, но можно с уверенностью сказать, что игры дворовых и уличных команд скоро станут еще более широкими и популярными.

Для этого есть все условия. Ниuno только комсомольским

Момент игры между футбольными командами «Святая» (г. Трудовое) и «Звезда» (г. Орехово-Зуево). Вратарь «Звезды» Владимир Махов берет футбольный мяч.

Юным футболистам были предоставлены спортивные площадки и стадионы, где все, как у мастеров: настоящее, расчерченное белыми линиями поле, ворота, хотя для ребят и широковатые, но зато «касадешившиеся» — с перекладинами и сеткой. О предстоящих встречах сообщали афиши. Но особенно lystило самолюбие ребят то, что перед игрой по радио объявлялся состав команд, а на поле юные игроки выбегали под звуки футбольного марша. Спорить о том, была рука или нет, ребятам больше не приходилось: за игрой наблюдали М. Белянин, С. Архипов и другие судьи всесоюзной категории.

Выиграть кубок ИГК ВЛКСМ — вот главная цель, которая стояла перед любой командой. Но в этих составах была и другая, не менее важная сторона — ребята учились хорошо играть. И в этом ребятам помогли старшие.

На тренировках и игры ребят пришли известные мастера спорта, которые много лет назад сами начинали в дворовых командах. Заслуженные мастера спорта Н. Демьянцев, А. Акимов, мастер

котором поблескивал призовой кубок. Кто увидит его сегодня со стадиона, чтобы хвастать до следующего лета!

Капитаны команд, тезки Юрий Гора и Юрий Тенюков, обменялись традиционными рукопожатиями, и вот уже мяч в игре. Много колнующего и интересного можно было бы рассказать о том, как играли нападающие «Взрыва», забившие три мяча, и как до последней минуты боролась за победу команда «Авангард», которой все же удалось свикнуть два гола... Надо было видеть, как торжествовали болельщики Кировского района, когда «Взрыв» завоевала победу, а вместе с ней и кубок.

А на огнискон стадионе «Спартак» состоялась финальная встреча на кубок, который учредил ИГК ВЛКСМ для дворовых и уличных футбольных команд Московской области. Здесь играли команда города Реутово «Святая» и орехово-зуевская команда «Звезда», лучшие из пятисот команд области.

Игра началась такой быстрой и продуманной атакой «Святых», что уже на первой минуте врата-

организациям в этом живом и интересном деле проявить больше энергии и инициативы, уже сейчас подумать о том, как лучше организовать спортивные игры молодежи зимой.

На ледяные дорожки и хоккейные поля предстоящей зимой впервые выйдут детские команды. Так же, как и летом, разгорится острая спортивная борьба, в которой снова будут участвовать десятки тысяч ребят. К спорту приобщится новая большая армия юных физкультурников, как это было минувшим летом...

Кто знает, может быть, те самые ребята, которые этим летом выиграли маленький приз, в недалеком будущем завоеуют и Большой хрустальный кубок — самую желанную и почетную для наших мастеров футбола награду!

Н. ФОМИЧЕВ

Команда «Святая» (г. Реутово), завоевавшая приз ИГК ВЛКСМ для уличных и дворовых футбольных команд Московской области.

Художник почтовых марок

Выпущена новая почтовая марка. Вынимательно рассмотрим мы крошечный плакат, любуемся четкими, выразительными рисунками. Но редко кто знает имя художника, владеющего стилем труда, ставящим и любящим в его изобразительное произведение искусство.

Познакомившись с одним из старейших специалистов и знатоков этого дела — художником Василием Васильевичем Завальцовым. Им создано 360 оригиналов для почтовых марок, которые разошлись миллионными тиражами.

Любой художник вправе мечтать о такой массовости издания своего произведения!

В другой форме на почтовых марках отображены исторические, научные и литературные даты, запечатлены образы лучших сынов и дочерей нашего народа — рабочих и колхозников, ученых, писателей, советских воинов.

Не всякий, даже большой мастер может выполнять требования, предъявляемые к художнику-маркировщику. Ведь в каждом отдельном случае оригинал по своему содержанию должен быть предельно простым и выразительным.

Большую работу замечательными качествами организатора работы Василий Васильевич Завальцовым. Являясь учеником известных художников — Н. А. Кавалкина, И. И. Павлова, А. И. Горюхиной — он весь свой талант и способности

отдает любимому делу, которому посвящает тридцать лет жизни. Широко известны в нашей стране серии марок: «Челюскинцы», «Северный полюс», «Московский

метрополитен». Эти, как и многие другие советские марки, выполнены Василием Васильевичем Завальцовым.

М. СПОКОХОДОВ

СМЕНА
В номере:

Геннадий Луппов — На Волге широкой.

Бера Спиридонова — Не состоившаяся свадьба. Рассказ.

Г. Каменнов — Песни. Стихи.

Л. Абрамов — «Юности» песни.

А. Погос — Любное дело.

А. Герасимов — На круче. Стихи.

П. Муляков — Подвиг русского народа.

М. Вабаяв — Шесту дорожнице заставы... Стихи.

М. Корневский — Комсомольцы одного юрала.

Дмитрий Нягяев — Инженер. Короткий рассказ.

А. Кузовников — Кати. Рассказ.

Федор Ширшов — Два стихотворения.

Н. Круглов — На Цейлоне. Письмо заметки.

И. Фомичев — Играют дворовые команды.

На первой странице обложки отмечались на призыв партии, на Ленинград на здравую землю в Северо-Кавказский область, присели Илья Макарова и Бера Глухова. Сейчас они работают на строительстве жилых домов союза «Шинский». Фото Л. Раскина.

На четвертой странице обложки: На строительстве Горьковской ГЭС. Фото А. Горчаева.

Образование номера
С. Шваб
и З. Поспеловой.

КРОССВОРД

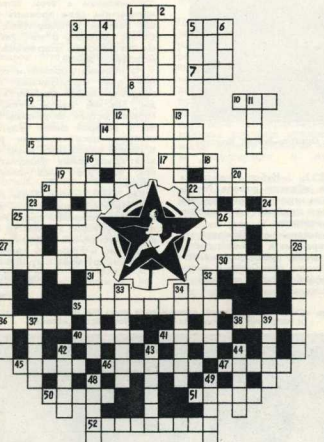
Составил И. Макаров (г. Москва)

По горизонтали:

1. Положение в шахматной игре, при котором партия считается ничьей.
3. Передача матча патристу.
5. Термин в спортивных играх.
7. Ренессанс страны по спортивной культуре.
8. Часть состязания.
9. Спортивный инвентарь.
10. Предельный в ворота матч.
14. Победитель многолетней велогонки 1954 года по маршруту Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва.
15. Показание для стрельбы.
16. Вид спорта.
17. Спортивный инвентарь для метания.
21. Способ плавания.
22. Бег по пересеченной местности.
25. Одинаковая спортивная одежда.
26. Наспортивный чемпион «Звездной Армии» по классическому борью.
29. Советский спортсмен — абсолютный чемпион мира по гимнастике.
30. Судейский сигнал к началу состязания.
35. Спортсмен.
36. Запр. применяемый при игре в теннис.
38. Вид борьбы.
40. Советский гроссмейстер.
41. Удачное выступление.
45. Участие легкоатлетических соревнований.
46. Одна из фигур в городках.
47. Упражнение с шашкой на ноге.
50. Конец состязания.
51. Требование спортивного судьи.
52. Спортсмен, занимающийся горным туризмом.

По вертикали:

1. Площадка, на которой соревнуются иттенгисты.
2. Специалист, подготовка спортивного к соревнованиям.
3. Шахматная фигура.
4. Часть футбольных ворот.
5. Бег лошади.
6. Место для состязаний на велосипеде.
9. Значит гимнастического упражнения.
11. Единица, которой оценивают выступления джигитов.
12. Часть велосипода.
13. Известный советский игрок.
14. Диффузия отменяется, применяемая на соревнованиях по гимнастике.
18. Площадка для тенниса.
19. Приспособление для прыжка.
20. Вид соревнования команд в беге.
23. Имитационное падение боксера на пол.
24. Известный советский бегун.
25. Ресурса мара по метанию диска.
26. Советский спортсмен — чемпион мира по коньякам.
31. Переход группы мара по определенному маршруту.
32. Знание, присваиваемое выдающимся спортсменам.
33. Дорога через горный хребет.
34. Быстроходное судно.
37. Численность физической силы.
39. Летняя спортивная рубашка.
42. Чемпион мира по лыжам в гонке на 30 и 50 километров.
43. Зимний спортивный инвентарь.
44. Спортивный приз.
48. Заключительная встреча в розыгрыше Кубка СССР.
49. Русская народная игра.

Главный редактор М. А. Велчко.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Над. № 950.

А 08001.

Подписано и печатно 3/ХІ 1954 г.

Формат бумаги 70х108/16.

Заня № 3106.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Ордене Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Легендарный Севастополь

В темпе марша 4/4

Хор

Ты АС-ТА, НЕПРИСТУПНЫЙ — ГОР, НЕЗНАЮЩИЙ ДРУЗЬ,
ВЕСНА МОЮЩАЯ ТЫМ ДНЯМ,
ИЛИ СТОИТ ВЕЩА НА ДНЕ ТУ ПОД ПОЛОНАМИ ГОРОД МОЙ,
КОЕ СЕБЯ ДИТ НАМ ПОД ДИТ И ПРОСЛАВИЛИ В БОЕ — ДИТ,
ИЛИ ПРОСЛАВИЛИ В БОЕ ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ,
НЕПРИСТУПНЫЙ ДЛЯ ВРАГОВ, СЕВАСТОПОЛЬ — ГОРДОСТЬ РУССКИХ МОРИНОВ!
ЗДЕСЬ МЫ В БОИ, СВЯТОЙ И ПРАВЫЙ, ШЛИ ЗА РОДИНУ СВОЮ, И ТВОЮ БЫЛУЮ СЛАВУ МЫ УМОЛНИЛИ В БОЕ, СИНУЮ ЧЕРНЫЕ БУШАТЫ, ЧЕРНОМОРЦЫ В ДНИ ВОЙНЫ

Музыка Вано МУРАДЕЛИ.

Рисунок П. Бардинова

Слова Петра ГРАДОВА.

Музыка Вано МУРАДЕЛИ.

Ты лети, крылатый ветер,
Над морями, над землей.
Расскажи ты всем на свете
Про любимый город мой.
Всем на свете ты поведай,
Как на крымских берегах
Воевали наши деды
И прославили в веках
Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь —
Гордость русских моряков!

Здесь на танки шли с гранатой,
Шли на смерть твои сыны,
Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь —
Гордость русских моряков!
Если из-за океана
И нам враги придут с мечом,
Встретим мы гостей незваных
Истребительным огнем,
Знает вся страна родная,
Что не дрожат моряки
И надежно охраняют
Берега родной земли
Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь —
Гордость русских моряков!

Рисунок П. Бардинова

Цена номера
2 руб.

